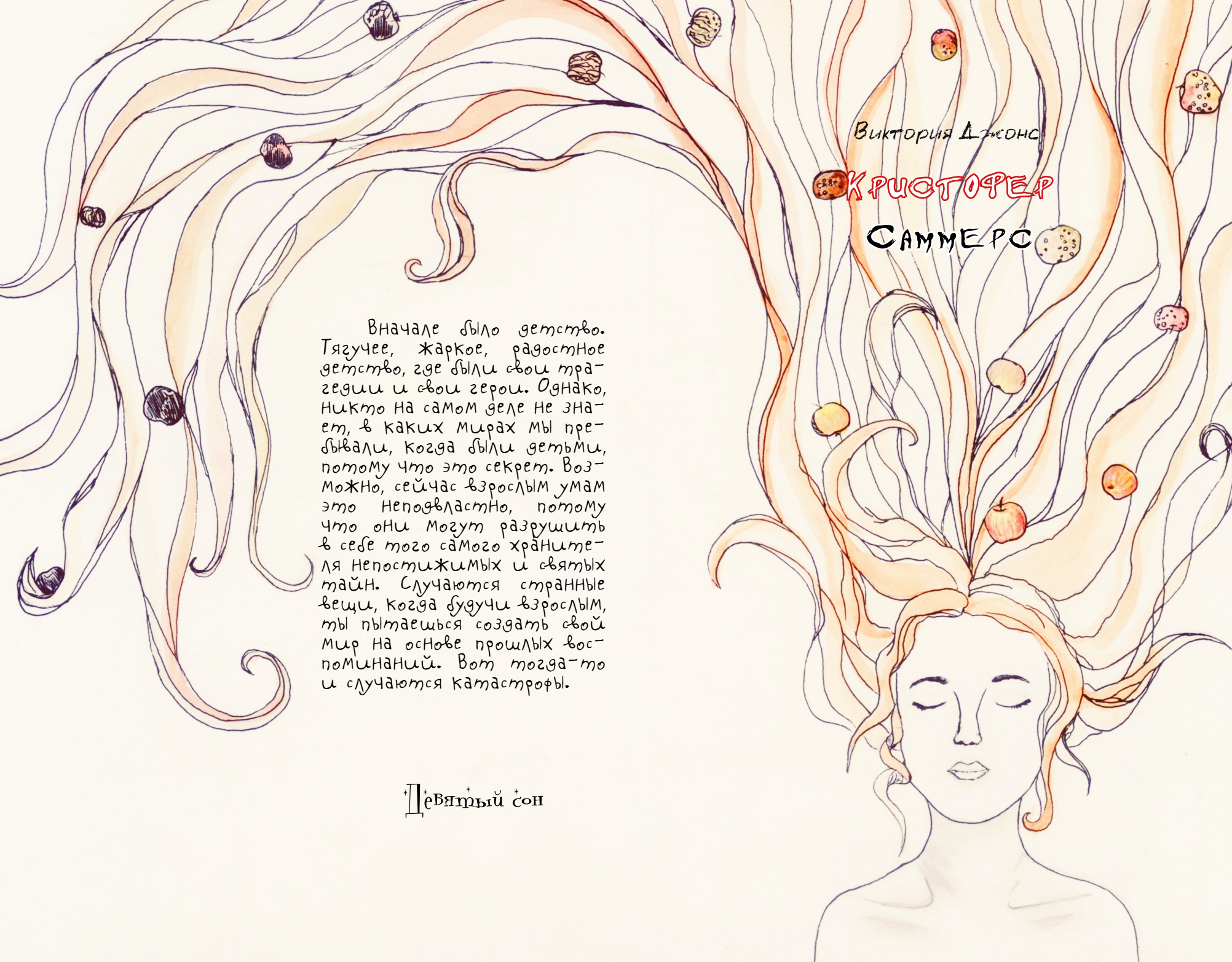

Вначале было детство.
Тягучее, жаркое, радостное
детство, где были свои тра-
гедии и свои герои. Однако,
никто на самом деле не зна-
ет, в каких мирах мы пре-
бывали, когда были детьми,
потому что это секрет. Воз-
можно, сейчас взрослым умам
это неподвластно, потому
что они могут разрушить
в себе того самого храните-
ля непостижимых и святых
тайн. Случаются странные
вещи, когда будучи взрослым,
ты пытаешься создать свой
мир на основе прошлых вос-
поминаний. Вот тогда-то
и случаются катастрофы.

Девятый сон

Виктория Джонс

КРИСТОФЕР

САМЕРС

Виктория Джонс

Кристофер Саммерс

*Д*е*В*я*т*ы*й *с*о*н

УДК 82-312.1

ББК 84

Д42

Виктория Джонс

Кристофер Саммерс

Оформление обложки Ошкиной Евгении

Джонс В.

Д42 Кристофер Саммерс / Виктория Джонс — Томск:
Девятый Сон, 2014. — (110) с.

Вначале было детство. Тягучее, жаркое, радостное детство, где были свои трагедии и свои герои. Однако, никто на самом деле не знает, в каких мирах мы пребывали, когда были детьми, потому что это секрет. Возможно, сейчас взрослым умам это неподвластно, потому что они могут разрушить в себе того самого хранителя непостижимых и святых тайн. Случаются странные вещи, когда будучи взрослым, ты пытаешься создать свой мир на основе прошлых воспоминаний. Вот тогда-то и случаются катастрофы.

УДК 82-312.1

ББК 84

© Виктория Джонс, 2014

© Девятый Сон, 2014

*На горе, среди высоких холмов и долин
Жил обычный пастух.
И однажды мечтами гоним,
Не гнушаясь запрета,
Теплым днем среди лета
Он с родными простился
И с горы той спустился.*

Пролог

Это история о человеке по имени Кристофер Саммерс. История, наполненная странными совпадениями и событиями, не поддающимися пониманию. Кристофер Саммерс это не просто человек, который в силу своей юности множество раз совершал ошибки, пытаясь увидеть настоящий мир и обрести свободу, но и человек, который всегда старался следовать своим убеждениям. Потому что так велел ему внутренний голос. Голос, который имел слишком много власти над ним.

В семье мать была единственной, кто понимал детские слезы мальчика. Летом они жили в деревне, где сыновья Клары Саммерс могли расти на свежем воздухе среди прекрасных природных пейзажей. Многовековые деревенские дома, дышащие историей и стариной, пышные поля,

которые обрабатывали фермеры, зеленые луга, на которых паслись коровы и овцы, яркое солнце и свежий морской воздух — таким запомнилось для младшего Саммерса самое счастливое время его жизни. Отец Кристофера — мистер Саммерс, большой и важный человек, имел во владении корпорацию по производству и разработке лекарственных препаратов, поэтому мог позволить себе содержать особняк, в котором летом и жила его семья. Клара Саммерс, женщина острого ума и приятной внешности хотя и стала наследницей корпорации мужа после смерти последнего, но все же старалась больше времени уделять своим сыновьям. Старший из них, Марк, был настоящим сорванцом. Он часто втягивал себя и братьев в различные истории, но никогда не разочаровывал своих родителей, выпутываясь из них с поразительной легкостью. Средний из сыновей, Ричард, во всем подражал своему старшему брату. Но самым необычным из них был младший, Кристофер. У него не было настоящих, живых и горластых, смышлённых и глупых сообщников по играм, как у его братьев, но были книги и придуманные, как выражались взрослые, вымышленные друзья, с которыми мальчик делился самыми сокровенными тайнами своей души. Вот только сам Кристофер не считал своих товарищей чем-то нереальным. Они были неотъемлемой частью его жизни, занимая в ней огромное место. Одним из лучших придуманных друзей мальчика был — Тень. Тень, имеющая власть над детским разумом, демон в

обличии духа, призрак незащищённой жизни, Ликс — имя, которое дал ему мальчик. Но миссис Саммерс относилась к этому спокойно, мол, все дети придумывают себе друзей, однако, один случай заставил ее в серьез испугаться за жизнь сына, так как произошло событие, полностью перевернувшее их тихую и размеренную жизнь.

Однажды Клара Саммерс развешивала чистые белые простыни, чтобы те высохли на летнем жарком солнце. Бытовые обязанности отвлекали ее от ненужных мыслей, освобождали ее разум. Она как раз предавалась мечтаниям, когда Кристофер прибежал к ней весь радостный и ликующий.

— Мам! — возбужденно воскликнул он. — Деревенские мальчишки снова обижали меня сегодня. Они называли меня ущемленным и странным. Еще они порвали «Приключения Шерлока Холмса». Ведь ты мне подарила эту книгу на день рождения! Это была моя любимая книга! — тараторил Кристофер. — А потом Оливер Дункан поднял комок грязи и кинул в меня. И все последовали его примеру.

— Ну, они поступили очень скверно, — ответила мать, привыкшая, что ее сына часто задирают мальчишки. Она только сейчас заметила, что он весь в грязи.

— Малыш, не расстраивайся из-за какой-то книги. Ты же знаешь, не все такие умные как ты. К тому же, многие из них, наверняка не умеют чи-

тать. Где были твои братья, когда это случилось? Я настаиваю, чтобы вы гуляли вместе. Почему ты постоянно убегаешь от них? Надеюсь, ты ничего не натворил?

— Не я, мам. Ликс! На этот раз он вступился за меня. Он показал им! Теперь они никогда не будут задираться!

— О чем ты говоришь? — поинтересовалась женщина, поворачиваясь к сыну, и всего на секунду ей показалось, что она увидела тень, промелькнувшую по развешенным простыням.

— Они больше не будут обижать меня, — повторил Кристофер. — А теперь мне пора бежать. Марк обещал научить меня ловить рыбу.

— Крисси! Будь осторожней! — вдогонку убегающему сыну крикнула мать. Минуту она смотрела вслед мальчику, потом вернулась к своему занятию. В тот час непонятная тревога охватила ее сердце. Тревога, ставшая с того момента постоянным спутником ее жизни.

Когда дневные заботы были позади, а все дети крепко спали, Клара позволила себе расслабиться в гостиной с бокалом вина. Но вскоре ее отдых прервал резкий стук. Прислуга уже спала, так что она сама отправилась открывать дверь. На пороге стоял высокий мужчина средних лет и два полицейских в униформе. Выглядели они так устало, что чувство тревоги, посетившее Миссис Саммерс в обеденные часы, невольно всколыхнулось в ней с новой силой.

— Миссис Саммерс? Я инспектор Ховард. Недалеко от вас произошла трагедия. Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов.

— Да, конечно, заходите — поторопилась женщина, отступая, чтобы пропустить инспектора. Констебли остались ждать на пороге.

— В чем дело? — спросила Клара, когда мистер Ховард оказался в гостиной. — Недалеко, близ фермы Уитби, обнаружен, — он запнулся. Было видно, что ему тяжело говорить. — Обнаружен труп мальчика. Бедный Оливер Дункан. Его друзья говорят, что видели человека, который убил Оливера, но они настолько потрясены, что не могут ничего толком рассказать. Вы ничего не видели? Может, слышали, миссис Саммерс?

Клара была поражена. Она вспомнила разговор с Крисси, и ее охватил страх:

— О, Господи, бедный, бедный Оливер. Нет, инспектор, я не могу рассказать вам ничего нового. Ферма Уитби далеко. Моим сыновьям не разрешено ходить туда.

— Да, я понимаю. Но на всякий случай, могу ли я поговорить с мальчиками?

— Конечно. Я разбужу их, — сердце Клары испуганно билось, но разум отказывался воспринимать происходящее. Через четверть часа, после того, как мистер Ховард побеседовал с мальчиками, он удалился, посоветовав Кларе увезти детей на время, пока убийца не будет пойман. В ту злосчастную ночь никто не спал. Ни Миссис Саммерс, жадно глотавшая что-то крепкое из бокала, ни старшие сыновья, которые упивались догадками и клялись найти ответ. Не спала прислу-

га, которую подняли с постелей и опросили. Не спал и маленький Кристофер. Он сидел у окна и с любопытством наблюдал за тем, как от их дома отъезжал инспектор Ховард. Мальчик плохо понимал, что произошло, но был уверен, что он в безопасности, потому что в ту ночь он ощущал невидимое присутствие своего защитника, мерно покачивающегося у него за спиной и улыбавшегося безумною улыбкой. Эта трагедия наделала много шума, и жители долгое время не позволяли детям уходить далеко от дома. Убийца так и не был пойман, но жизнь шла своим чередом, и люди забыли. Все кроме Клары Саммерс.

...и всего на секунду ей показалось, что она увидела тень, промелькнувшую по развешенным простыням.

Глава 1

Кристофер Саммерс, молодой человек 27 лет, темноволосый и высокий, брел поздно ночью домой. Его лицо было угрюмым — он размышлял о чем-то тяжелом. Полы его плаща развивались при ходьбе. Хотя и стояла осень и многие деревья уже сбросили свою листву, было тепло, и поэтому Кристофер решил пройтись. В городе, который никогда не спит, трудно остаться одному. Но в этот час вокруг не было ни души, и Саммерс, опьяненный шампанским, свернул в парк, чтобы срезать путь. Мрачный и зловещий со стороны, но привычный для самого Кристофера, он поглотил человека и растворил его в своих темных объятиях.

«Свобода». Свобода выжигает в душе свое место. Она поражает. Она лучше кокаинового блюза. Вот только свобода несет за собой великое проклятие — ответственность. Лишь немногим удастся впитать ее без остатка и при этом выжить. Свободу так легко потерять. Могу ли я когда-нибудь освободиться от всего, что давит на меня? Ничего не происходит. Как бы я ни старался, я не могу заставить свой мир двигаться дальше. А старался ли? Что можно считать за попытку? Изменится ли твой мир, если ты встанешь на полчаса раньше, пропустишь работу или весь

день проведешь за сортировкой виниловых пластинок? Это все не работает. Может быть, когда-то жизнь и имела другой смысл. Но теперь борьба за мое существование лишь вопрос времени. Однажды мои часы просто остановятся. Будет ли в этом моя вина? Почему я не могу вспомнить что-то очень важное? В конце концов, я уверен, что сам сделал это с собой. Иногда становится легче, и я снова вижу лица, людей, слышу то, о чем они разговаривают. Ощущаю землю под ногами, чувствую запах, ветер на лице. Я снова могу жить. И после всего этого откровения мир рушится моими вопросами. Игра продолжается. Точнее, она полностью останавливается.

Крисси часто спорил с собой, потому что с детства не умел доверять людям. Он всегда был замкнутым, но все же положение в обществе вынуждало его быть общительным. Будучи владельцем элитной и знаменитой галереи современного искусства «Seven of the Lords», Кристофер в свободное время посещал званые ужины, вечера, премьеры и презентации, повсюду завязывая знакомства и отыскивая новые таланты. На деле Саммерс не был счастлив такой жизни, но так повелось у них в семье, что идти наперекор матери не осмеливался ни он, ни его братья. Кристофер отчаянно искал способ изменить обычный порядок вещей, почувствовать что-то новое в своей жизни, обрести внутреннюю свободу. Он хотел полностью чувствовать жизнь, и однажды Вселенная дала ему такую возможность.

Саммерс медленно шагал по парку, вдыхая пряный запах листьев. Больше всего на свете он любил прогулки в одиночестве, потому что по ночам ему снились кошмары, которые он не мог вспомнить. Была ночь, темнота вокруг становилась гуще, но слабые фонари все еще пытались разогнать наступающий мрак. Внезапно один из них загорелся ярко-ярко, словно от перенапряжения. Кристофер зажмурился и услышал шорох позади себя. Он настороженно обернулся, но в это же мгновение все фонари погасли, и наступила полная тьма. Перед глазами затанцевали светлые пятна, а душу сковал страх.

— Крисси... — Кристоферу показалось, что его кто-то звал. Саммерс быстро достал телефон и попытался осветить пространство. Сердце у него бешено колотилось, он ощутил себя снова ребенком, когда, панически боясь темноты, прятался под одеялом. Кристофера охватил настоящий ужас. Он судорожно махал телефоном перед собой, но тут же, неуклюже оступившись, упал, вскрикнув от неожиданности, когда слабый свет от телефона выхватил из темноты белое пятно, направлявшееся к нему. Саммерс мысленно проклял себя за выпитое шампанское на вечеринке, когда к нему из темноты с громким урчанием выскочил большой белоснежный кот. Кот секунду постоял, размахивая своим длинным хвостом. В свете от экрана мужчина заметил, что у кота разные глаза — один зеленый, а другой-небесно-го-

лубой. Кот осторожно приблизился. Кристофер поднял руку, и в тот момент, когда кошачья голова коснулась человеческой руки, фонари вновь зажглись. Саммерс гладил кота. Перед глазами пробегали немыслимые картины мест, где он никогда не был. Или ему казалось, что он никогда там не был?

— Хей, приятель. Ну и напугал же ты меня, — обратился Кристофер к коту. — И откуда ты такой взялся? — Коту явно нравились ласки. Мужчина осмотрел животное и, не обнаружив никакого жетона, решил, что нельзя оставлять его здесь одного. Так началась дружба между женщиной и котом, которого впоследствии Кристофер назвал Кардиналом.

Глава 2

Саммерс проснулся поздно. В окно безжалостно светило солнце. Кристофер чувствовал себя нездорово. В его голове четко и предельно громко репетировал оркестр, а желудок, как ему казалось, свернулся до размера атома. Мужчина перевернулся на спину и, к своему огромному удивлению, обнаружил только что проснувшегося кота, который тут же улегся на грудь человеку. Саммерс мерно и бездумно поглаживал нового друга, тщетно пытаясь припомнить хоть что-нибудь из прошлого вечера. Когда же зазвонил телефон, он в спешке поднялся, вспомнив, что должен был быть сегодня в офисе, но тут же проклял все на свете из-за боли, ярким пятном вспыхнувшим у него в голове. Чуть погодя, когда перед глазами перестали плавать круги, мужчина все же добрался до телефона, сразу же пожалев об этом.

— Уже 11! Ты пропустил встречу с китайскими партнерами. Ты вообще представляешь, что мне пришлось им пообещать, чтобы они не разорвали контракт на экспозицию китайской живописи сегодня же? — Нэнси, судя по голосу, метала молнии, что значительно сказывалось на интонации. Саммерс недовольно поморщился и включил громкую связь.

— Нэнси, я...

— Даже не смей оправдываться! — верещал голос. — Я тут пытаюсь удержать твое дело на плаву, а ты не приходишь, когда надо!

— Нэнси, ты же умница. Именно поэтому ты и главный распорядитель. Разберись сама. Вся компания на тебе держится, — усмехнулся Саммерс.

— Я знаю, но ты же владелец! Так что немедленно приезжай, иначе я скопом привезу всех партнеров к тебе домой! — не унималась Нэнси.

— Ладно, ладно. Я понял. — Кристофер вспомнил, как в прошлый раз Нэнси умудрилась пригласить в его квартиру половину кураторов картин, в общей сложности 24 человека. А все потому, что Саммерс пропустил собрание. — Приеду в течение часа. Вчера была вечеринка. Я много выпил, и мне просто необходимо в душ. — О, дорогой. Тебе пора завязывать с выпивкой, знаешь? — Да-да, я знаю. Прощай, Нэнси — Но, Кристофер... — только и успела сказать собеседница перед тем, как Саммерс отключил телефон.

— Боже, что за ужасная женщина. Неудивительно, что она до сих пор не может найти себе подходящего парня, — задумчиво пробормотал Кристофер.

Саммерс поплелся в душ. Он вспомнил многое из того, что было накануне: мужчин в строгих официальных костюмах; воротнички, галстуки, бабочки, запонки, зажимы для галстуков, начищенные туфли и дорогие часы. Время. Споры

о политике и искусстве. Манерность Ван Гога и кубизм, как попытка найти новые формы. Разговоры, разговоры, разговоры. Женщины. Все в дизайнерских платьях, ищущие свою жертву среди неженатых гостей. Коктейли, шампанское, закуски, названия которых так длинны, что никто их не запоминает. Кристофер уходил оттуда в сопровождении пары девиц, которые убеждали его, что начинающие художники. Позже, конечно, он отправил их в казино, вверив в руки своему другу Майклу, который знал толк в хороших картинах. Они отправились в заведение, а сам Кристофер, прельщённый теплым вечером, побрел домой пешком через парк, где пережил странные события и нашел кота.

Черт те что.

Выйдя из душа, Саммерс наткнулся на Кардинала, который не сводил с него своих странных глаз. Взгляд был тяжелым, но не пугающим. Человеку казалось, что кот знает что-то такое, о чем не догадывается сам Саммерс. Мужчина прошел на кухню, где сварил себе кофе. Странный кот проследовал за ним и продолжил сверлить человека взглядом. Тут Кристофер догадался, что Кардинал может быть голодным, и налил ему молока в обычную тарелку, про себя отметив, что необходимо записать его к ветеринару. От созерцания белоснежного кота на полу своей кухни, его отвлек звонок в дверь. На пороге стоял молодой посыльный в кепке, с прыщавым лицом и гром-

кой металлической музыкой, которая доносилась из его наушников. Он противно жевал жвачку и вел себя, в общем, высокомерно:

— Доставка для... — он помедлил, чтобы прочитать имя адресанта. — Для мистера Саммерса.

— Я Кристофер Саммерс.

— А документики покажите? Я не могу отчитываться перед боссом, не удостоверившись в том, что посылка попала в нужные руки.

— Послушай, видишь адрес? — он раздраженно ткнул пальцем в бумагу. — Здесь кроме меня никто не живет. Если тебе так угодно, я напишу твоему боссу, что я получил посылку, и обязательно оставлю свой отзыв об обслуживании! — он выхватил у курьера ручку и расписался в бланке.

— Да ладно, чувак, не горячись. Я просто хотел проверить, — защищался парень, быстро отдав пакет Саммерсу. Тот раздраженно захлопнул перед ним дверь. Саммерс разорвал пакет и обнаружил в нем коллекционную пластинку Эллы Фитцджеральд и карточку. На розовой бумаге размашистым подчерком было написано:

«О, Кристофер, дорогой, вечер был великолепен. Надеюсь, Леди Элла умирот твой нрав. Я буду ждать нашей следующей встречи с нетерпением. С любовью, Мисси. ХХХ»

Пластинка оказалась очень хорошей, и Саммерс, задумавшись, чем же он обязан такому подарку.

Кто такая Мисси?

С пола донеслось протяжное «мяу», и Кристофер решил не обращать внимания на это. Он тяжело вздохнул, допил свой кофе и поплелся одеваться.

Еще один день, еще один бессмысленный день.

Глава 3

Саммерс аккуратно вел свой автомобиль по заполоненной машинами автостраде.

Люди не имеют собственной жизни. Некоторые из нас, но не все. Люди живут, заводят семьи. И у них много проблем, многие из них несчастливы. Они никогда не смогут жить своей жизнью. А я разве живу нормально? Работа, светская жизнь, исполненные желания, одиночество. Разве все это можно считать нормой?

Кристофер припарковал машину рядом с кафе «Royal's», чтобы зайти перекусить. Хотя в его распоряжении было множество дорогих ресторанов его богатых знакомых, Кристофер предпочитал это небольшое старое кафе, которое совсем ничего не имело общего с «королевским», кроме названия.

Может быть, завести постоянные отношения? В конце концов, к этому всегда вела меня моя Мам. У меня будет семья, мы будем путешествовать. У Мам появятся внуки, о которых она так мечтает. Готов ли я быть мужем и отцом? Или лучше завести еще одного кота?

Саммерс вышел из машины, и тут же в него влетела девушка. От столкновения она уронила пакет, который несла в руках, и из него высыпа-

лись красные яблоки. Кристофер был так поражен ситуацией, что не сразу сообразил, что надо помочь девушке. Он разглядывал ее с любопытством, отметив, что она очень молода.

— Черт! Да как же так? Весь день не заладился! Почему постоянно найдется болван, который испортит мне день? — в полголоса возмущалась девушка, но этого было достаточно, чтобы вывести Кристофера из оцепенения.

— О, ради Бога, извините мою неуклюжесть, — смущенно начал Саммерс, поднимая яблоко и протягивая его девушке.

— Знаете, не стоит. Я... — злобно проговорила девушка, но запнулась на полуслове, когда ее глаза встретились с глазами Кристофера. Мгновение остановилось, и все, что существовало сейчас в пространстве для Кристофера, была только девушка и пряный запах яблок. Ее рыжие волосы чуть отливали медью, а в глазах плясал зеленый огонь. Кристофер почти собрался с духом, чтобы заговорить, как девушка, покраснела, удобнее перехватывая пакет, и сказала, кивая на яблоко:

— Оставьте это себе. — Она исчезла в потоке людей, а Кристофер застыл, пораженный, и мысли роились у него в голове, превращаясь в монотонный мягкий гул.

— Я стоял там, как идиот. — спустя некоторое время причитал Кристофер, расхаживая у себя в кабинете. В кресле для посетителей сидел Майкл Гризли и лениво читал газету.

— Да, старина, сколько тебя знаю, ты никогда не был особо сообразительным в сердечных делах, — Майкл шумно перевернул страницу и усмехнулся, — если она тебе понравилась, надо было заговорить ней, а не ждать у моря погоды. Гризли соответствовал своей фамилии. Он был крупным мужчиной, одного с Кристофером возраста, чуть полноватый и с забавными усами.

— Не смешно. Ты не помогаешь! — огрызнулся Кристофер.

— А что ты хочешь? Чтобы я пошел и начал расспрашивать людей на улице? «Извините, сэр, тут девушка с яблоками не пробежала? Ох, очень жаль». — Он зачем-то поклонился и вернулся к чтению. Саммерс ничего не ответил, лишь сердито фыркнул.

Наступило молчание, и Гризли первым не выдержал его:

— Послушай, забудь о ней. Давай сходим выпить куда-нибудь сегодня вечером. Я знаю один бар...

— Ты хотел сказать, «без меня». Твоя жена вряд ли обрадуется, если ты не придешь до полуночи домой. Снова.

— Да, Эллис. Ну, до полуночи время есть, не так ли?

— Я думаю, она тоже что-то почувствовала, — Саммерс не слышал слов Гризли. — Она так посмотрела на меня, словно узнала, понимаешь? — он вопросительно посмотрел на друга.

Гризли сложил газету и рассмеялся:

— Ты что, влюбился в незнакомку? Старик, ты гоняешься за призраком. Город большой. Ты, может, ее вообще больше не встретишь, — Майкл поднялся и пригладил свои усы.

— Может и так, но я все-таки надеюсь повстречать ее снова, — твердо и серьезно сказал Кристофер.

— Ты не понимаешь, Майки, я чувствую что-то грандиозное.

— Крисси, дружище, ты рехнулся. Может, тебе стоит обратиться к врачу. Доктор Джеймсон* — единственный, кто может вылечить тебя, — Гризли пытался хоть как-то отвлечь своего друга от бредовых идей.

— Я собираюсь найти ее. Мне нужно это, понимаешь? Мне кажется, это моя судьба.

— О, Боже. Если мне сообщат, что ты в психушку попал, я не удивлюсь, — мистер Гризли взял свой пиджак и засобиравшись уходить.

— Надеюсь, она красивая.

— Еще какая. Ты бы видел ее глаза. А волосы отливают медью.

— Боги, она еще и рыжая, — Гризли шумно вышел из кабинета, но Кристофер даже не заметил этого. Он старался в мельчайших подробностях воспроизвести ее лицо в памяти, и достав из ящика стола альбом и карандаш, принялся рисовать.

* Джеймсон — традиционный ирландский виски.

Глава 4

«Дорогая Мам, С тех пор, как я, по твоему наставлению, был вынужден поселиться в этом грязном и шумном городе вдали от нежной листвы и теплых дождей родных краев, я не был счастлив до вчерашнего дня. Как ты знаешь, я был одинок очень долгое время, но вчера я нашел себе нового друга и товарища, который с несказанной радостью поселился у меня дома. Я встретил его в час уныния и невеселых мыслей. Я нашел кота, которому дал имя Кардинал. Он выскочил из темноты, здорово напугав меня, а потом вел себя так, будто знает меня очень давно. У него белая шерсть, но разные глаза. Правый небесно-голубой и иногда кажется, что в нем заключен кусочек неба, а левый зеленый. Я собираюсь оставить его себе».

Крисси.

Кристофер довольно откинулся в кресле и положил ноутбук на пол. Писать электронные письма своей матери было своего рода традицией братьев Саммерс. После того, как «все покинули родное гнездо» этот маленький ритуал должен был, по мнению Клары, сохранить их вместе. Конечно, она была права. Саммерс потянулся, заде-

вая спящего на спинке кресла Кардинала, и почесав ему за ухом, поторопился одеться. Сегодня была суббота, и Кристофер отправился на заслуженный обед в «Royal's».

Хозяйка заведения, достопочтенная мисси Пикфорд, вот уже лет тридцать держит это кафе, которое, не смотря на быстро разрастающийся город, до сих пор привлекает своей простотой и вкусной домашней выпечкой. Миссис Пикфорд знала Кристофера еще с детских лет, и поэтому всегда сердечно относилась к нему, угадывая его настроение. Вот и сейчас, когда мужчина занял столик у окна, его беспокойство привлекло внимание старушки и она, всплеснув руками, стремительно направилась к нему.

— О, дорогой мальчик! Отчего же у тебя такой печальный вид? Не случилось ли чего? — она поправила очки, чтобы лучше разглядеть Кристофера.

— Добрый день, миссис Пикфорд, — тепло отозвался Кристофер, поднимаясь, чтобы обнять старушку — ему пришлось немного нагнуться, так как она была невысокого роста.

— Все хорошо. Я просто устал.

— Ну! — воскликнула она, — в таком случае, я знаю, что взбодрит тебя, милый! — Саммерс и сказать толком ничего не успел, как старушка в своем идеально отглаженном переднике умчалась на кухню. Кристофер расслабился и закрыл глаза, вслушиваясь и проникаясь атмосферой.

Это место статично. Здесь никогда не происходит то, что не должно происходить. Именно здесь можно хоть ненадолго, но раствориться, слиться с людьми под звук американского кантри, насладиться черным кофе без всяких вычурных добавок и послушать дивные истории старушки, которая, несомненно, своей добротой каждый день спасает мир. По крайней мере, мой точно.

Кристофер улыбнулся, когда услышал маленькие шаги миссис Пикфорд, которая несла на подносе «средство для повышения настроения». Этим средством оказались ее знаменитый завтрак: горячие блинчики с клюквенным соусом, кофе и яблочный пирог. Старушка поставила еду, поправила передник и улыбнулась так, что на душе у Кристофера стало радостно. Саммерс ел не спеша, радуясь, как ребенок, блинам и кофе. Когда же дело дошло до пирога, он удивленно впился взглядом в ароматный, еще горячий, кусок. Ему вспомнилась девушка, имени которой он не знал. Зеленые глаза и рыжие волосы. Запах яблок и ощущение упущенного шанса. Ему стало вновь грустно, но всего на секунду ему показалось, что кто-то, наблюдавший за ним очень давно, наконец, удовлетворенно улыбнулся. Что значили эти чувства, Кристофер не понимал. Он задумчиво пережевывал яблочный пирог.

Мне нужно найти кого-нибудь, кто бы смог изгонять скуку из моего разума, потому что я уже не знаю, чем себя занять.

О, да. Саммерс прекрасно представлял, что значит скучать. Он ненавидел скуку, но и избавиться от нее он тоже не мог. Скука Кристофера была подобно болезни. Она приходила и уходила, когда ей вздумается. Забирала счастье и радость, оставляя после себя вкус сожаления и тревоги. Бывали времена, когда это недомогание, граничащее с эпидемией, не трогало его, а иногда полностью поглощало его жизнь. В таком состоянии он был готов на все, чтобы найти ответ на вопрос, почему же это происходило с ним. Сначала Саммерс пытался бороться с этим. Он без устали рисовал картины, вступал в новые общества, покупал новые вещи, с головой уходил в работу. Он встречал новых людей, заводил друзей и любовниц, до первых лучей солнца засиживался в барах или бродил по городу. Но после нескольких попыток найти лекарство от скуки, он сдался, потому что меланхолия добила того, чего добивалась — она диктовала его жизнь.

Настроение у Кристофера испортилось, и он, расплатившись, вышел в осенний день. В толпе он смотрел на людей, но не видел их. Сегодня ему было не до этих чужих жизней с их глупыми проблемами, с их отношениями и любовью. Ему были противны люди. Все эти войны, судьбы, нерациональная трата времени, надежды и мечты. Все это вызывало у Саммерса отвращение. Кристофер, в который раз, ругал себя за эту ненависть, потому что знал — это было неправильно.

Саммерс пытался любить людей, но чаще использовал их, временами забывая об эмоциях. Мать всегда говорила ему, что человеческая жизнь — самое ценное сокровище, которое можно найти на планете. Саммерс был послушным сыном, но сейчас все чаще он стал задумываться, что его матушка могла ошибаться все это время.

Люди — это просто люди. Неважные, несносные, обычные. Какой смысл в существовании, если твоя жизнь предопределена?

Кристофер знал, что несправедлив. Также он знал, что сегодня его слабые нервы не выдержат, и он снова сорвется. Так бывало всякий раз, когда его некому было остановить.

Глава 5

Саммерс сидел на полу своей квартиры и медленно напивался, пока вокруг безучастно сновал кот. Кристофер перевел взгляд на новоиспечённого Кардинала и вспомнил слова ветеринара.

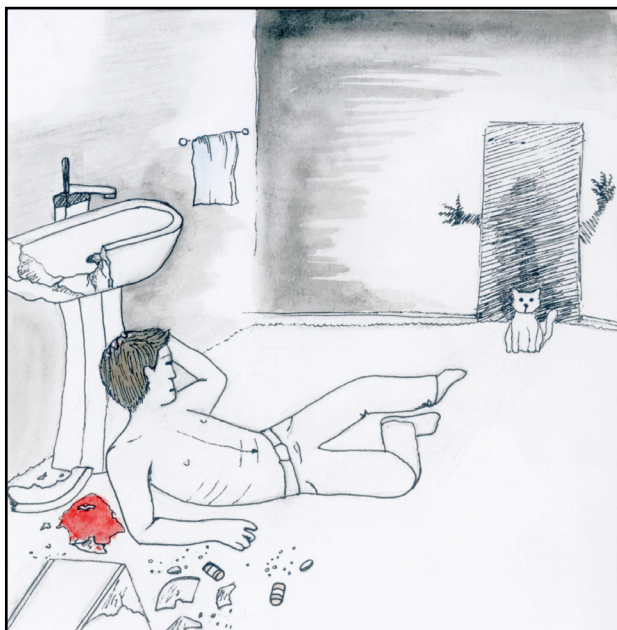
— *Святые угодники, где вы взяли Као Мани? Это чрезвычайно редкая и дорогая порода, — удивлялся мистер Ковински, осторожно осматривающий кота.*

— *Достался по наследству, — собрал мистер Саммерс. — У него нет чипа, так ведь? — спросил Кристофер.*

— *Нет, — ответил Ковински после минутной паузы, за которую он орудовал специальным прибором.*

— *Я скажу, что ваш кот здоров, даже более чем. Прекрасный образчик Као Мани, просто великолепный.*

— *Слышал, Кардинал? Ты великолепный образец своего вида. А я? А я человек, — пьяно сказал Кристофер и отпил еще из бутылки. Рубашка была расстегнута, галстук красовался на тумбе, а сам мужчина лишь отдаленно напоминал человека. Это была уже вторая бутылка виски, и Саммерс ждал, когда душный алкоголь вырубит его и затмит своим превосходством весь этот грязный мир. Почему-то именно сейчас, когда Кристофер жадно глотал из горла, он снова попытался*

Почему я не могу вспомнить то, что забыл?

вспомнить свое детство, но воспоминания пятнами взрывались у него в мозгу, растворялись друг в друге и превращались в невнятную массу.

Зачем, зачем мне вся эта жизнь?

Он не мог придумать причину, по которой он должен вести порядочный образ жизни, усердно работать, любить свою семью, послушно выполнять настойчивые наставления своей матери.

Я могу жить своей жизнью.

Саммерс отхлебнул еще немного, и его тут же вырвало. Немного погодя, он дополз до ванной и попытался встать на ватных ногах, но случилось так, что Кристофер облокотился на раковину, резко выпрямился и не рассчитал силы. Он ударился головой о шкафчик, висевший над раковиной. От этого шкафчик упал и расколол раковину, обдав мужчину осколками разбитого стекла и россыпью таблеток. Саммерс снова оказался на полу. На белоснежный ковер упали первые капельки крови. Вскоре кровь была повсюду. Кристофер лег на стекло и попытался заснуть, не обращая внимания на сильную головную боль. Хотелось выть от безысходности. Он гадал, почему же никто не придет и не поможет ему.

Почему эти люди не могут оставить свои грязные безобразные мнения при себе? Почему в самый тяжелый свой час я так одинок, и это одиночество стремится навсегда стереть из истории мое имя? Где же моя семья, когда она необходима для выживания?

Саммерс не знал. Он так устал размышлять об этом, что перестал надеяться, что когда-нибудь найдет ответ и сможет обрести внутреннюю свободу. Эти вопросы, маниакальные мысли и идеи... Он сходил с ума, и рядом не было зрителей, которые смотрели бы на его полное исчезновение. Смотрели бы на разложение души, на то, как маски слетают одна за другой с его лица, обнажают священную и порочную душу. Он не мог поверить в то, что одинок сейчас. Не мог принять ту ложь, которая открывалась ему в эти минуты прозрения, когда он мысленно перебирал свое прошлое. Не мог простить свою семью. Вот только за что, он не помнил.

Зачем люди лгут мне? Я же не сделал ничего плохого. Почему бы им просто не сказать правду? Почему люди не хотят верить мне? Почему я не могу верить им? Что я забыл?

Кристофер мучил себя вопросами, и каждая мысль проскальзывала в его мозгу, словно змея по битому стеклу, вызывая нестерпимую боль. Гнев и отчаяние, вот что его терзало. Эмоции закипали слепой яростью где-то в желудке, постепенно поднимались к голосовым связкам. Саммерс закричал. Крик безумца, бесконтрольный и пронзительный:

— Зачем? Зачем, Господь Бог, Великий Случай или Судьба, я не знаю что ты такое... — он сорвался на стон. — Зачем ты прогоняешь мою удачу, зачем заставляешь страдать? Почему ты даешь мне

друзей, которых нет рядом сейчас? Почему я не могу вспомнить то, что забыл? — мужчина заплакал. Он рыдал в голос, стонал и проклинал богов за то, что они сделали его слабым, маленьким и ожесточенным.

Он вспомнил всех тех людей, которые каждый день улыбались ему, и он возненавидел их еще больше. Он хотел убить всех их, каждого, кто когда-либо здоровался с ним или интересовался его жизнью. Он бы убил своих братьев и свою мать, которая контролирует его жизнь, Нэнси и Майкла, старика с парковки и продавца цветов. Он бы убил всех своих многочисленных любовниц, которые так легко опустошали его карманы и насиловали душу. Он бы даже убил своего кота, хотя не знал зачем. И, наконец, он бы нашел ту девушку с рыжими волосами и убил бы ее тоже, только за то, что она овладела его мыслями. А позже, когда ее трепещущее сердце остановиться, он бы сам лег рядом и застрелился, потому что слишком много крови будет у него на руках.

В кармане завибрировал телефон. Саммерс перевернулся на спину, достал его из кармана и нажал на несколько кнопок. Кровь так и не переставала течь из раны на голове. Кристофер бездумно уставился в пространство, с трудом фокусируя взгляд на Кардинале, который постепенно темнел и улыбался. Саммерс потерял сознание, и последней мыслью, которая посетила его больной разум, была о том, что он не хочет просыпаться.

Глава 6

Саммерс открыл глаза и огляделся. Это не было его домом. Это было место, где он часто скрывался в своих мыслях. Это было то самое поместье, где он рос. Его комната. Она выглядела как прежде, но в ней было что-то такое, что исчезло, стоило только повернуть голову. Кошачьи шаги тяжелой поступью ворвались в его сознание, оставляя после себя непрекращающийся поток мыслей и сожалений в то время, когда обыкновенные вздохи разлетались о почти неживые стены. Кот всегда дарует если не уверенность, то хотя бы облегчение. Но сейчас нет ничего, что могло бы остановить головную боль, и еще, что во сто крат хуже, ненужные, лишние мысли. Разве человек, сидящий в центре этой вырванной из контекста времени комнате может простить себя? Разве он не заслуживает второго шанса? Кристофер посмотрел на Кардинала. Кот лишь кивнул ему, молчаливо приветствуя. Этого человека, который битый час сидит на ледяном полу холодной комнаты старого мертвого дома, занимают мысли о вечности, о грандиозности мира и ничтожности жизни. Сейчас Кристофера совсем не волнует, какими проклятиями будут осыпать его люди.

Его волнует, что Кардинал, наблюдающий за перерождением личности своего хозяина, сейчас здесь рядом с ним, готовый в любую минуту привести непокорный поток мыслей в порядок.

Почему я такой?

Саммерс усмехнулся и повалился на спину, подставляя свое тело и лицо небу над головой, впитывая холод реальности в свое тело. Это всегда было для него тяжело: прощать себя. Даже сейчас, будучи не в состоянии контролировать свою жизнь, он думает не о том, как ему спасти себя, а о том, как было бы хорошо, если бы он оказался сейчас где-нибудь на просторных лугах или на побережье холодного моря, чтобы наблюдать естественный ход истории и отсчитывать время.

Кардинал, Кардинал, Кардинал...

— Здесь сыро, — вслух произносит Саммерс, только для того, чтобы убедиться, что он все еще здесь. И тут же кот вторит его мыслям и произносит кроткое урчание. Саммерс вновь занимают глупые несостоятельные мысли, и он вздыхает, тяжело, скованно. Мужчина закрывает глаза и вслушивается в удары собственного сердца.

Как это произошло?

Саммерс чувствует что-то новое, и тут же он слышит вполне реальный голос:

— Кристофер, ты должен вспомнить, — говорит «что-то», и Саммерс невольно понимает, что знает этот голос.

— Кристофер, открой глаза, — просит невиди-

мый собеседник, и все доводы, почему открывать глаза не надо, разлетаются как осенние листья. Кристофер поднимает тяжелые веки и принимает вновь сидящее положение. Он видит Кардинала, который улыбается, подобно чеширскому коту. Два разноцветных глаза сияют, и Кристоферу кажется, что вместо глаз у кота звезды.

— Кто ты? — глупо спрашивает Саммерс, и тут же кот исчезает в темной тени, превращаясь в сгусток черной материи. Кристофер знает, что это галлюцинации, но все-таки он безумно счастлив, видеть эту тень.

— Я друг. Я тень. Я... — говорит темнота, но Кристофер подхватывает слова и заканчивает вместо него:

— Ликс. Ты — Ликс. Как давно я не видел тебя. Теперь ты живешь в моем коте? — по-детски спрашивает Саммерс.

— И да, и нет, — задумчиво отвечает тень. — Нет времени. Ты должен вспомнить то, что ты сделал, что произошло, Кристофер. Саммерс сидит и глупо улыбается.

Зачем что-то вспоминать, если и здесь так хорошо?

Вдруг перед глазами появляется образ девушки, и мир, в котором он находится, сотрясается как от удара.

— Что ты делаешь? — спокойно спрашивает Ликс, но Кристофер не слышит его. В голове снова ее изумленное и непонимающее лицо, снова

эти глаза смотрят на него со странным притяжением. Он слышит запах яблок, и почему-то вспоминаются слова Майкла: «Ты гоняешься за призраком», и Кристоферу больно от этих слов. Он не может убить воспоминания, поэтому с отчаянием трясет головой, отгоняя ее образ. Саммерс снова ложится на спину и видит небо в дыре на потолке. Белые облака плывут непринужденно и медленно в голубом-голубом небе. Все такое непосредственное, вечное. Это завораживает, потому что небо — единственное, чего Саммерс хочет коснуться. Он хочет спать, но не может, поэтому медленно опускает веки.

— Зачем? — спрашивает Кристофер, зная, что Ликс все еще здесь. — Я пришел, чтобы ты помнил, — отвечает Ликс, легко ухмыляется и шипит.

— Я не знаю то, я должен помнить, — безразлично говорит Саммерс, чувствуя, как леденеют конечности, как тело начинает бить лихорадка.

— Я здесь, Кристофер, чтобы ты помнил, — повторяется Ликс.

— И всегда будешь, — добавляет Кристофер. Саммерс оглушен. Он устал и, без сил проваливаясь в темноту, слышит, как Ликс смеется своим скрипучим сухим смехом. Кристофер боится открыть глаза и поэтому безвольно лежит на спине и плачет. Кардинал медленно подходит, ложиться Саммерсу на грудь и тот засыпает.

Глава 7

Боль — первое, что он ощущает. Боль где-то глубоко в голове парализует и удивляет. Нервные волокна со скоростью 1,5 метра в секунду передают электрические сигналы, распознающиеся мозгом как боль. Кристофер растворяется в этом чувстве, пока тело пытается пошевелиться. Кажется, что проходит вечность, когда одурманенный мозг возвращает контроль над телом. Кристофер пытается пошевелить пальцем, но перед его взором взрывается вселенная. Когда же яркие и неприятные вспышки перед его глазами проходят, Саммерс приоткрывает глаза и медленно моргает, в ожидании четкой картинки. Мгновение, и он видит лицо женщины перед собой. Кристофер сглатывает, и чувствует, как горло нестерпимо саднит. Следующее, что Саммерс ощущает в этой реальности — запах медикаментов и голос настолько знакомый, что желудок завязывается узлом. — Ты разочаровал меня, Кристофер. Перед ним, беспомощным и уязвимым, сидит женщина. Морщины уже еле заметной сетью покрыли ее лицо. Ее глаза, живые и мудрые, настоятельно скрывают тревогу и неуверенность. Она снимает очки в золотой оправе, наклоняется, чтобы протереть

их, и серебряная прядь волос падает ей на лицо. Женщина тяжело вздыхает и поднимает глаза на Саммерса. Кристоферу хочется провалиться со стыда от этого вздоха, спрятаться от этих пронзительных, холодных глаз и не чувствовать вину каждой клеточкой своего тела. Именно поэтому он старается рассмотреть свои руки, бледные, почти бескровные. Голубые вены четко выделяются на фоне белизны кожи. Тоненькая трубочка капельницы свидетельствует о реальности происходящего и о том, что в этот раз Кристофер перешел какую-то незримую грань, точку невозврата. Женщина ловит взгляд своего сына, говоря тысячи слов, выражая тревогу и привязанность одними лишь глазами, сохраняя при этом невыносимую сдержанность. Кристофер вглядывается в ее лицо, и с каждой секундой его сердце разбивается от осознания того, что он утратил доверие этой женщины.

— Мам, — сухо и почти одними губами шепчет Кристофер и пытается улыбнуться потрескавшимися губами. Что-то ломается внутри Клары Саммерс в эту минуту. Ведомая каким-то древним материнским чувством, она встает и целует сына в лоб. От этого жеста у Саммерса вышибает дух. Кристофер тщетно пытается поймать ее взгляд, но женщина уходит, ничего не сказав более, и ему кажется, что с ее уходом внутри него что-то умирает. Он ощущает пустоту и тоскливое одиночество, провожая ее взглядом.

Не уходи. Не оставляй меня здесь.

Дверь со скрипом закрывается, а за окном торопливо начинается дождь. Саммерс принимает боль внутри себя и засыпает, не желая просыпаться вновь.

— Кристофер, открой глаза. Ты слышишь меня, — в темноте голос Ликса звучит очень громко, но Саммерс упорно не открывает глаза. — В этот раз, в мире, что так тщетно пытается обрести смысл, все играет против одиночек, против тебя, — продолжает голос, и довольно шипит, когда Кристофер пытается сжаться в пустом пространстве. — Ты не должен бояться меня. Я — друг. Ликс защитит тебя от мира, где каждый хочет причинить боль.

— Кто ты? — надрывно кричит мужчина, напуганный всем эти безумием.

— Я такой же изгой, как и ты, — отвечает Ликс. — Верь мне. Я изменю твою жизнь, — шепчет тень куда-то в лопатки Кристофера. — О, мой мальчик, все знают, что ты такое. Оглянись, твои ошибки идут за тобой, потому что ты вовремя не изменил свое отношение к ним. Ты связан. Ты скован страхом и жалостью к себе. Ты трус, — Ликс срыгается на шипение в конце слова и удовлетворенно хохочет, когда человек жалобно стонет. — Я покажу тебе твою сущность, если ты позволишь мне.

— Ты — монстр, — стонет мужчина. — Тебя не существует.

— Как и тебя, Кристофер, но я все же здесь, — вновь шипит Ликс и почему-то это убеждает Сам-

мерса, заставляет поверить во все это безумие. Он слабо кивает, и все пространство вокруг Саммерса заполняет ликующая тень. Кристофер падает в темноту.

«Проснись...». «Проснись...».

— Проснись! — Саммерс уже в настоящем мире слышит крик и в испуге открывает глаза. Перед ним стоит блондинка, злобно и решительно сверля его взглядом.

— Ну, наконец-то. Я думала, ты умер, — уже спокойно произносит она и садится на стул рядом с кроватью. — Знаешь, дорогой, вчера вечером, я работала допоздна и позвонила тебе, чтобы узнать твое мнение по поводу закусок на открытие выставки, и знаешь, что я услышала вместо твоего приветствия? Стоны и плач. Естественно я подумала, что у тебя снова случился приступ, и поспешила к тебе. Моя прекрасная женская интуиция спасла твой зад, а ты должен мне ужин за то, что я провела всю ночь в неотложке! — Все это было сказано быстро и громко, так что Саммерс невольно поежился и попытался сесть.

— Ты не могла бы говорить тише? — прохрипел Кристофер и знаком показал на графин с водой.

— Хорошо, — раздраженно сказала Нэнси и встала за стаканом. В Саммерса же полетели шарф и сумка посетительницы. — Ты был весь в крови, знаешь? — задумчиво сказала Нэнси уже более примирительно.

— Прости, мне не стоило... — начал было Кристофер, но девушка и не думала слушать его.

— Я перепугалась до смерти, когда нашла тебя! Чем ты думал? — она снова повысила голос. — Ты можешь себе представить, что мне пришлось пережить за эту ночь? Какого черта ты делал у себя дома?! Сколько ты выпил вчера? О, не отвечай, я даже знать не хочу! Ты просто жалкий трус и эгоист.

— Это было...

— Не перебивай меня, Кристофер Саммерс, я еще не все сказала, — грубо прервала его Нэнси. Лицо ее покраснело, и Саммерс подумал, что его тошнит от этой женщины. Он засмеялся истерично и надрывно, как делал всякий раз, когда не мог сдержать эмоции.

— Что ты смеешься? Я чуть не последовала за моим дядюшкой Френсисом, когда увидела тебя на полу! — Саммерс не унимался. — Ах, тебе так смешно, — сказала Нэнси, резко подсакивая и хватая первое, что попало под руку. Шарф, оказавшись в ее воинственных руках, стал своего рода оружием против смеющегося человека, хотя сам Кристофер не понимал, что происходит. Она бормотала оскорбления, а Саммерс не прекращал смеяться, с каждой минутой ненавидя ее все больше и больше.

— Матерь божья! — воскликнул Майкл, когда неожиданно вошел в палату, напевая какую-то веселую и глупую песню из утреннего шоу.

— Э, я, надеюсь, не помешал? — он изумленно глядел на то, как Нэнси прекратила сражения и прыгнула на пол.

— Можешь его добить, я больше не желаю марать руки. Он слишком неблагодарен! — обратилась Нэнси к Гризли. Саммерс не прекратил смеяться.

Как же мне хочется уничтожить эту самодовольную улыбку с ее лица.

— Эгоист! — бросила Нэнси, схватила свою сумку и вышла из палаты. Через секунды три она, правда, вернулась и схватила позабытый шарф с больничной койки.

— Пока ты не пройдешь лечение, заправлять галереей буду я. Спасибо, Кристофер за то, что оставляешь меня в такой трудный момент, — саркастично сказала она и поспешила скрыться.

Что б тебя, глупая женщина. Когда же ты заткнешься?

Майкл, все еще удивленный, проследил ее путь до двери, отмечая красоту ее фигуры, а потом повернулся к больному.

— Что здесь, черт возьми, происходит? — Саммерс не ответил, жестом приглашая его сесть.

— Я принес тебе цветы. Жена заставила, — смутился Майкл и глазами поискал, куда можно поставить букет.

Виноватый взгляд. Значит, снова жена узнала про измену. Еще один жалкий идиот. Как же вы меня раздражаете.

Когда с этим делом было покончено, он грузно уселся и напустил на себя вид человека, который собирался сказать что-то очень неприятное.

Боже, еще один экземпляр человеческой глупости, собирающийся промывать мне мозги.

— Знаешь, — сердито начал Гризли, но прервался, глядя на пудинг, стоящий на подносе около кровати. — Ты не возражаешь, если я съем его? — простодушно спросил Майкл, и принялся поглощать пищу, совершенно забывая, что должен был серьезно поговорить с другом. Саммерс проглотил свою злость. Его друзья стали последней каплей, и Кристофер отметил, что отныне, он сам по себе.

Вы не имеете власть надо мной.

Глава 8

Иногда мы должны зайти слишком далеко, чтобы понять, что на самом деле было в начале.

С момента, когда Саммерс покинул больницу койку, прошло три недели, за которые он не обмолвился ни одним словом ни с кем из своих друзей или родных. Он предпочитал избегать их, и поэтому Кристофер оборвал все связи, взял отпуск до тех пор, пока не разберется в своих мыслях. Дожди стали чаще, создавая ощущение тоски и одиночества. Саммерс часами прогуливался по городу, пил кофе в «Royal's» и, как вот сейчас, медленно бродил под проливными, холодными, бесчувственными дождями. Хмурые прохожие в шляпах скрываются под зонтами, которые внезапный ветер пытается отобрать, но руки, защищенные перчатками, лишь крепче сжимали зонты. А он никогда не носил не варежек ни перчаток, даже шляпы. И зонт ему был не нужен.

К черту все эти условности и комфорт. Теперь я сам по себе.

Дождь и ветер лишь усиливали гнетущую изнутри боль. Он шел, не разбирая дороги, никуда, абсолютно без цели куда-либо прийти. В голове метались мысли, и каждая из них соответствовала погоде: мерзкая и пустующая. Тело бил озноб.

Оно требовало горячей ванны, еды и сна. Но Кристоферу было плевать. Ноги несли вдаль, лишь изредка перепрыгивая лужи, а чаще просто наступая в них. Саммерс думал о том, что некоторые вещи просто случаются в его жизни. Он мучил себя попытками вспомнить что-то из своего детства, но всякий раз, когда он мысленно переносился в свою комнату в старинном доме, перед ним вставал образ довольного Ликса, придуманного или реального, Кристофер уже не знал.

Я не помню, как пришел в этот мир, зачем был послан, и что мне надо сделать. Когда я пытаюсь представить свое прошлое, все покрывается тонкой коркой забвения. Я не помню. Все мы мелкие крупинцы в огромном мире. Маленькие частицы Вселенной. Я питаю иллюзию о том, что нужен кому-то. Наверное, это не больше чем фантазия. Я живу чужими лицами, разговариваю чужими языками. Я — чужой самому себе. А все потому, что я слишком часто читаю книги. Я понимаю это, но не могу остановиться. Чувство ответственности сковывает, сжимает до крохотного атома. Это больно. Мне всегда хотелось быть просто собой, но разве у меня была такая возможность?

Саммерс занимал себя такими мыслями почти весь день. Он думал о случайных встречах и необъяснимых разлуках.

Люди не меняются, и никогда не изменяются.

И, казалось, что все идет по плану, но Саммерс слишком хорошо знал, каково это — быть требовательным к себе. Поэтому он рвал свою жизнь

на части, опустил все барьеры и больше не боялся сделать ошибку, задуматься о последствиях. Кристофер злился, и было понятно, что его злость со временем не стихнет. Он жаждал изменений, скорости и вседозволенности, потому что именно тогда, его не душила совесть и раскаяние.

Именно безрассудство и безразличие заставило Саммерса купить себе мотоцикл. Дорогие костюмы покоились в шкафу, а привычными для него стали джинсы и футболки. Он разъезжал по городу на своем Harley в кожаной куртке, встречался с подозрительными женщинами, пьянствовал, выкуривал пачки сигарет в день, чтобы унять дрожь в руках. Он делал все то, что многие годы не позволял себе. Книги были забыты, в доме был постоянный беспорядок, а холодильник заполнился пивом и энергетиками. Кристофер проматывал деньги, принимая наркотики ради того, чтобы увидеть и ощутить Ликса, потому что Ликс стал для него центром его собственной Вселенной. Иногда, в минуты предрассветного прозрения, Кристофер Саммерс ловил себя на мысли, что пора заканчивать это безумие, но все оказывалось тщетным, потому что в зеркале снова и снова он видел не себя, а монстра из его кошмаров.

Кристофер промок насквозь. Он поднял голову и понял, что, сам того не ведая, пришел в парк, где когда-то, казалось, в прошлой жизни, нашел Кардинала. Саммерс теплее укутался в промокшую куртку, и ледяными пальцами достал сига-

реть, с безразличием отмечая, что дождь унялся. На мгновение его лицо озарилось светом, когда он чиркнул зажигалкой. Легкие наполнились дымом, что по какой-то неведомой причине согревало.

Вначале было детство. Тягучее, жаркое, радостное детство, где были свои трагедии и свои герои. Однако никто на самом деле не знает, в каких мирах мы пребывали, когда мы были детьми, потому что это секрет. Возможно, сейчас взрослым умам это неподвластно, потому что они могут разрушить в себе того самого хранителя непостижимых и святых тайн. Моя мать знала все мои приключения. Возможно, поэтому видеть ее сейчас это так невыносимо. Случаются странные вещи, когда будучи взрослым, ты пытаешься создать свой мир на основе прошлых воспоминаний. Вот тогда-то и случаются катастрофы.

Кристофер вспомнил одно письмо, которое написал матери, после выписки из больницы:

«Дорогая Мам, Я снова болен. Мне снова снятся кошмары. В одном из них я побывал на похоронах своей души. Я помню, как заснул в каком-то отеле, и мне снилось пустое поле и болота, на которые в детстве ты не разрешала ходить мне и моим братьям. Я бродил и пытался найти дорогу домой. Тут я увидел человека.

— Извините, я потерялся, — вежливо обратился я, но тут раздался удар в барабан. Оглядевшись, позади человека я увидел похоронную процессию. Тогда я спросил:

– Что тут у вас?

– Здесь хоронят твою душу, – огрызнулся человек и сплюнул мне под ноги. И тут я понял, что попал в кошмар. Бьют барабаны. Тяжелые аккорды. Страх. Запах свежей плоти смешивается с запахом разложения. Впереди похоронная процессия: черный как смоль гроб, кто-то плачет, но плачь скорее как дань уважения, а не скорби, натянутые голоса вперемежку с тяжелым мужским басом протяжно читают что-то. Шестеро существ неопределенного вида, зовущихся здесь не то кошмарами, ни то скорбью, несут гроб, покрытый черной тканью. Я на негнущихся ногах, преодолевая усталость и тошноту, приближаюсь к ним и вновь спрашиваю, кого хоронят. Ответ мне держит пустой, яростный демон:

– Хороним твою душу, глупец, – отвечает он и невозмутимо, больше не замечая меня, продолжает свой нескончаемый шаг. Я онемел, осел на землю, но даже не проронил ни слезинки, а сердце, как я понял, давно перестало биться. Рядом кто-то. Я оборачиваюсь – что-то неопределенное, скорее каждый видит в нем то, что хочет видеть. Не думаю, что мне стоит говорить, чем это было для меня. Ты, наверное, догадываешься.

Он, как пламя, сущность ужаса, да сама жизнь (зовите, как хотите), зачитывает мне перечень чего-то, что я не сразу смог разобрать. Пугаюсь. Отползаю от него, понимаю, что я слышу самого себя в существе передо мной:

— Я сам это сделал. Я потерял все, оставив на руинах своего сознания безумие без смысла, чистый гнев и честолюбие, ложь и предрассудки. Я взрастил ненависть у себя на груди, убил свою душу, даже не заметив, что она все еще дышала, когда я сам клал ее в гроб и забивал гвоздями. Я убийца, ненавистник, больной, безумец, лжец, одиночка. Я поднялся на ноги и попытался возразить:

— Я защищался. Никто не пришел, когда это было нужно. Никто не спасет меня, не остановит. Я должен был полагаться сам на себя. Я лгал, чтобы забыть всю ту боль, что причиняли мне люди. Я прятался от своего безумия, рыл ямы для своих радостей, чтобы забить их камнями, потому что за ними следовали опустошение и горе. Я ненавидел, потому что не смог научиться любить и радоваться. Я забыл, что значит чувствовать теплоту, потому что мое сердце, если не умерло, так превратилось в холодный ледник боли и отчаяния. Тогда незнакомец достал из недр своей тьмы меч и вскользь ударил меня. Я упал на колени, почувствовав на щеке теплые струйки крови, пульсирующую боль и секундное шок от того, что я чувствовал это.

— Я упустил шанс, — закричал мой собеседник, — причинял людям боль, чтобы посмотреть что будет. Я подчинялся своим демонам и беспощадно уничтожал все цветущие в своем разуме, никогда не сожалея. Я плакал по ночам, чтобы унять боль,

потому что кроме нее и разочарования я не могу ничего чувствовать. Я стыдился и себя, и того, что было упущено. Я трус. Я тщеславен. Я не уважаю никого в этой Вселенной, имея все виды пороков и грехов. Я не имею ничего священного. Я смеюсь над постулатами и верами людей. Я циник и скупец. Я не имею ничего за душой, что могло сейчас спасти меня. Я запротестовал, не вставая с колен:

— Но во мне же есть и что-то хорошее.

— Уже нет. Я — монстр, которому не суждено вернуться. Оглянись вокруг.

И тут, Мам, я посмотрел. Вокруг зловония, страх, несчастье, боль, страдания и остальное, чего так бояться в обычной жизни. Это был Ад, который я сам построил из своих страхов, в стремлении наказать себя за жестокость. Мне стало дурно и меня вырвало. Собеседник убрал список, снова взял меч и всадил туда, где должно было быть мое сердце. Я упал и увидел красное небо.

— Здесь ты зачал и вырастил своих демонов. Здесь ты и погибнешь в одиночестве и безумии. Он исчез, а я вновь увидел процессию. Я потерял сознание, пока они клали меня в тот самый гроб. Из раны на груди вытекала черная жидкость, от которой становилось очень больно. Я слышал шепот:

— Ты убил нас...

— Нет, стойте, я еще жив, — я пытался сказать им, но существа безмятежно накрыли

гроб крышкой, подняли и понесли в пустоту, в место, о котором не стоит говорить. Песни монотонно звучали вокруг, шепот и боль доводили до бессильного безумия и все, что я чувствовал — сожаление. Я не смог спасти себя.

Я проснулся в холодном поту. Меня лихорадило. Именно тогда я понял, что мне не вернуться к прошлой жизни. Прости, что разочаровал тебя.

Крисси.

P. S. Не пиши ответ. Я все равно не прочту его.

Кристофер выкинул окурок в урну, довольно отметив, что мать выполнила его просьбу не писать ему. Он знал, что где-то внутри, он сможет найти смирение и доброту, сможет найти те силы, которые так необходимы, чтобы подняться с колен. Проблема была в том, что он не мог отыскать дорогу назад, он слишком далеко ушел во тьму. Иногда Кристофер ложился спать, мечтая о том, чтобы вернуть все на свои места, вернуться самому, но он не мог. Саммерс убивал себя каждый день, но не мог остановиться.

Я живу прошлым, и это прошлое хочет убить меня. Я не существую. Я злюсь, потому что это все, что я умею делать. Мое прошлое... оно не отпускает. И, кажется, что вот-вот воды выйдут из берегов, океан переполнится, и мою жизнь постигнет катастрофа, которую я не смогу пережить. В зеркале я не вижу

прежнего себя. Я скрываюсь под отвратительной маской. Я вслушиваюсь во внутренний голос. Я подчиняюсь воле Ликса. Я болен. Я ненавижу человека, которым стал. Я жалкое подобие себя прежнего. И я схожу с ума.

Тут размышления его прервал внезапный холодный порыв ветра, который вывел его из оцепенения. Кристофер почувствовал что-то едва уловимое в воздухе и поспешил оглядеться. Он обеспокоенно вглядывался в темноту, и внезапно по ту сторону пруда он увидел ее. Его сердце замерло. Серое пальто. Ботинки. Шелковый, несколько не защищающий от безжалостного ветра, шарф. Она идет скованно. Ее лицо покраснело от холодного ветра. Ее шаги порождают неопрятный страх, от которого хочется спрятаться или взвыть по-волчьи от бессилия. Кристофер сквозь густую темень различает тонкие, затянутые обрезанной кожей перчаток пальцы, которые нервно достают сигарету из пачки. От нервной дрожи рук сигарета ломается, и Саммерс слышит раздражение в ее голосе, когда девушка кротко выражается. Пальто чуть закрывает порванные колготки на коленях. Кристофер пораженно смотрит на нее и в свете фонаря замечает слезы.

Боже, это она. Я видел ее всего раз, но это точно она. Девушка с яблоками, которая так неожиданно появилась в моей жизни всего на мгновение, и так внезапно из нее исчезла. И вот она... здесь, совсем рядом.

В тусклом свете фонаря девушка тщательно

выбрала лавку (выбрала ту, которая была наименее мокрой) и села, делая вид, что ничего не произошло, что нет причин для ее неопрятного вида, нет причин для дрожи в руках. Она повертела головой туда-сюда, чуть улыбнулась, явно желая прогнать наваждение и слезы. Не получилось. Улыбка сошла сначала на ухмылку, потом на гримасу, а потом девушка снова зашлась слезами, утирая их своими маленькими ладошками, чтобы не размазать туш еще больше. Она плакала так откровенно и чисто, что Кристоферу стало не по себе. Он достал сигарету и осторожно приблизился к ней.

— Вы курите? — просто спросил он, чтобы хоть как-то нарушить тяжелое молчание этого темного парка. Девушка испугалась, но тут же взяв себя в руки, вежливо кивнула. Мужчина дал ей сигарету и сел рядом. Несколько минут они молчали. Саммерс откинулся, расслабился и украдкой наблюдал за незнакомкой: она сидела, прямо держа спину, гордо вскинув голову, как будто храбро бросала вызов куда-то в темноту. Секунду подумав, она достала спички, с трудом зажгла сигарету и затянулась так глубоко, что Кристофер начал невольно волноваться. Ее рыжие волосы при свете фонаря отдавали медью, что делало ее похожей на античные фигурки. Саммерс молчал, потому что ему было как-то неловко расспрашивать ее о причине

ее слез. Чтобы скрасить молчание, он тоже закурил. Минут пять они сидели плечо к плечу неподвижно и безмолвно. Вдруг Кристофер чихнул (сказывались прогулки под дождем). Тут же девушка вышла из оцепенения и удивленно посмотрела на него, будто его присутствие стало для нее сюрпризом. Кристофер тоже поднял на нее глаза. Ее сигарета медленно тлела, пепел беззвучно падал на землю, но ему казалось, что вся Вселенная сейчас сосредоточена в этом маленьком закутке парка, где, рыдая о чем-то совершенно неправильном и горьком, рядом с ним сидела та самая девушка.

— Знаете, как бывает? — начала она, и, хлопнув себя по коленке и замолчала.

— Как бывает? — спросил Саммерс. Он был не уверен, что действительно хочет знать причину ее слез.

— Не важно. Просто... — она как-то особенно тяжело вздохнула, — просто сегодня не мой день. — Девушка вымученно улыбнулась и одной затяжкой докурила сигарету.

— Могу представить, — говорит Кристофер, и они оба знают, что не стоит вдаваться в подробности своих трагедий.

— Можно мне еще одну сигарету? — чуть погодя спросила девушка.

— Конечно, — и он вновь делится с ней, и ему кажется, что время остановилось.

— Мои спички промокли совсем. Больше нет сухих, — бесстрастно говорит она, осматривая мокрый

коробок. Кристофер дает ей прикурить. На мгновение они прикасаются друг к другу, когда девушка кладет свои руки поверх его, чтобы спасти огонь от ветра. Кристофера на мгновение пронизывает какое-то неизвестное легкое чувство, которое он решил проигнорировать.

— Я помню вас, — задумчиво сказала девушка. — Вы как-то раз рассыпали мои яблоки.

— Да, а вы оставили мне одно.

— Вы его съели? — она затянулась сигаретой.

— Нет, — Кристофер тяжело вздохнул. Сжав озябшие руки, Саммерс устремил взгляд в темное небо. — Я не помню, что с ним случилось.

— Жаль, — говорит она, а вокруг нее расплывается дымное облако, — Те яблоки были хорошие. Они снова замолчали. Холод пробирался сквозь мокрую куртку Кристофера, и он мелко задрожал.

— Маргарет, — неожиданно выпаливает девушка. — Но лучше Ри. Не смейтесь, пожалуйста, мне так больше нравится. — сказала она, и размазала грязь у себя на руке. Саммерс улыбнулся и тихонько запел:

Остановившись на дороге, я увидел женщину.

Она стояла на обочине.

И склонившись к моему окну.

Я узнал ее лицо, потому что оно было моим отражением.

И склонилась к моему окну.

И в тени меня парализовал страх.

Она вышла из тьмы

И склонилась к моему окну.

— О, Боже! — Удивленно воскликнула она, — Ри присоединилась к нему:

Она вышла из тьмы

И склонилась к моему окну.

И в тени меня парализовал страх.

Она промолвила: — Сын, что ты здесь делаешь?

Тревога за тебя, подняла меня из могилы.

*И я ответил: — Мама, я иду в богатый край, чтобы про-
дать себя.*

Она сказала: — Сын, это дорога в Ад.

Ты шел через дебри джунглей,

Ты пробирался сквозь пустыню к раю,

Но свернул на шоссе, ведущие в Ад.

Тут они остановились и засмеялись. Они хохотали искренне и свободно, словно желая стереть свои проблемы смехом. Им было хорошо: незнакомцы ночью в парке, двое, которые в эту самую минуту спасали друг друга от одиночества. Кристоферу давно не было так легко. На мгновение он забыл о своем безумии, своих страхах и разочарованиях. Даже Ликс казался детской сказкой. Саммерс чувствовал, что Маргарет, Ри, та самая девушка с яблоками, каким-то невообразимым образом умудрилась избавиться его от гнетущего чувства внутри.

— Откуда вы узнали, что Ри — это Кристофер Ри? — спросила девушка, все еще улыбаясь. — Я обожаю его песни.

Они хохотали искренне и свободно, словно желая стереть свои проблемы смехом.

Саммерс замер. Он понимал, что такого совпадения не может быть. Кристофер знал, что Вселенная не любит случайности, но почему-то именно сейчас это до глубины души поражало своей точностью и невероятностью. Девушка озадаченно всматривалась в лицо мужчины. Заметив его задумчивость, она в мгновение стала серьезной. Маргарет вопросительно подняла бровь:

— Извините, я что-то не то сказала? — спросила она, недоумевая, почему Саммерс замолчал.

— Нет, конечно, нет. Просто... — начал он и запнулся. Она внимательно и настороженно его слушала. — В тот день, — начал объяснять свою реакцию Кристофер, — в день, когда я вас впервые встретил, я подумал, что между нами промелькнула, я не знаю, какая-то искра. Ваш взгляд в тот день так завладел мной, что я не мог говорить. Вы ушли так стремительно, и я понял, что с вашим уходом потерял нечто очень и очень значимое. Я хотел вас найти, но не знал вашего имени. Единственное, что я смог сделать, вот это, — Саммерс полез во внутренний карман куртки и извлек оттуда засаленный и помятый листок. Он нерешительно протянул его Ри, и та неохотно взяла его.

— Вы случаем не маньяк какой? А то я на удивление сильно бью и быстро бегаю, — твердо сказала девушка, глядя в глаза Кристоферу.

— Вас я могу спросить о том же, — оскорбленно заметил Саммерс, но вспомнив, что выглядит

весьма подозрительно, смягчился. — Не волнуйтесь. Я не маньяк. Я художник.

— Пускай так, — уже спокойно сказала Ри, — но я все-таки... — она замолчала, потому что развернув листок, увидела свой портрет. Пусть помятый и кое-где смазанный, но он был выполнен с фотографической точностью, и она ахнула от удивления, закрыв ладонью рот.

— Это вы нарисовали? — зачем-то спросила она.

— Да. Я. Это было давно.

— Поверить не могу! — сказала девушка. — Вы ведь видели меня всего мгновение. Но этот рисунок так точен!

— Я носил это при себе, на случай если встречу вас снова. И вот вы здесь. А ваше имя. Ри! Как странно бывает в жизни, — Кристофер засмеялся.

— Что? — спросила она, не сводя взгляд с рисунка.

— Эта песня, «The Road to Hell», ее написал Кристофер Ри. Вы сказали, это ваша любимая песня.

— Допустим.

— Простите меня, я не представился. Мое имя. Кристофер. Кристофер Саммерс, — он и сам был поражен и обескуражен очевидным, но удивительным совпадением.

— Наши имена, — пораженно промолвила девушка, и они рассмеялись. В тишине парка, в поздний час двое молодых людей искренне радо-

вались удачному стечению обстоятельств, не веря тому, что такое происходит с ними. Песня с таким тяжелым и разрушительным названием «The Rod of Hell» чудесным образом связала судьбы двух людей, оказавшихся в одном месте в одно время. Безумец и рыжеволоса девушка с яблоками. Художник и девушка с его рисунка. Все переплелось в тонком чувстве юмора Вселенной и в эту беззвёздную, холодную ночь Саммерс знал, что впереди его ждут большие перемены.

Глава 9

Вернувшись домой утром, Саммерс первым делом выкинул все свидетельства его разгульной жизни. В мусор полетели грязные джинсы и остатки наркотиков, половина содержимого холодильника и огромное количество пустых бутылок. Кардинал не проявлял большого желания ему помогать, потому что был нагло разбужен и спихнут с вороха одежды в углу. Кристофер все решил в ту самую минуту, когда девушка, подавшись внезапному порыву восторга, поцеловала его там в парке. Саммерс собирался вернуть контроль над разумом, вышвырнуть навязчивого Ликса из головы и забыть те ужасы, что постоянно мерещатся ему.

Кардинал устроился в кресле, которое считал своим местом, и с интересом следил за передвижениями человека. Кристофер, увидев, что кот наблюдает за ним, поймал кошачий взгляд и серьезно сказал:

— Послушай, приятель. Теперь все меняется, ты больше не нужен. Я оказываюсь от такой беспорядочной жизни. Я меняюсь сам. Ты — всего лишь бред, Ликс, вымышленный друг из детства, так что выметайся из моего кота! Тебе здесь делать

больше нечего! — Кристофер ткнул пальцем в Кардинала, но тот лишь сладко зажмурился. Саммерс еще постоял немного, ожидая, что что-нибудь случится. Ничего не происходило. Кристофер выругал себя за мнительность и глупость, однако он облегченно заметил, как от кота отделилась тень и исчезла в дверном проеме. Кристофер привык относиться к такому роду событиям спокойно, но в этой тени сегодня было что-то злое, и Кристофер готов был поклясться, что Ликс еще вернется.

Саммерс проснулся в десятом часу, когда неутомимый кот бесцеремонно прыгнул мужчине на грудь. Было воскресенье, и Кристофер наметил целый список дел. Он с трепетом вспомнил встречу с мисс Маргарет «Ри» Грей и обещанный ей ужин. Лежа в кровати, он рассеянно гладил урчащего Кардинала. В памяти он смаковал каждую секунду ночного приключения и понял, что песня намертво заела у него в голове:

*Итак, я стою у реки,
Но в нем нет искры потока.*

Тут Кардинал неосторожно вонзил когти в грудь мужчины, и Саммерс поморщился от боли:

— Эй, прекрати. Это же больно! — недовольно пробубнил Кристофер и прогнал кота на пол. Кардинал же ничуть не расстроился от этого. Он

статно направился на кухню, откуда вскоре донеслось протяжное «мау». Кристофе не заметил, как снова задремал.

«...Мать и детеныши прекрасно чувствуют себя. Уже через 7 минут после рождения, новорожденный Гну может уже свободно передвигаться...»

Кристофер окончательно проснулся, когда обнаружил, что его квартиру сотрясают звуки африканской саванны и вопли каких-то антилоп. Кот и раньше включал телевизор, приземляясь прямо на пульт, но никогда еще его умелые кошачьи лапы не прибавляли звук. Саммерсу показалось, что кот в этот раз сделал это специально.

Мужчина откинул одеяло. В окно дул осенний ветер. Кристофер поднялся, поежился и прошлепал босиком в гостиную, где раздраженно выключил телевизор.

— Ты это специально сделал, я знаю, — обратился он к коту. Потом Кристофер направился на кухню и выложил паштет из лосося в керамическую миску. Кардинал, высоко задрав хвост, проследовал за человеком, чтобы самому убедиться в его человеческих действиях. Кот презрительно понюхал содержимое своей тарелки, и, сделав вид, что чихнул, отправился в гостиную, даже не притронувшись к еде.

Кошки! Ну почему вы такие гордые?

Кардинал тем временем резво прыгнул на

стол, затем на широкий подоконник и уселся спиной к человеку, явно давая понять, что обижен.

— Ой, какие мы важные, — поддразнил Кристофер кота, и ушел в душ. Кардинал даже ухом не повел и, дождавшись, пока человек скроется из виду, с присущей ему непринужденностью отправился поглощать свою еду.

Если бы я знал, что случится в моей жизни, все было бы не так. Хотя ничего уже не поправишь.

Саммерс деловито погружал печенье в кофе, сидя перед ноутбуком, лихорадочно пытался придумать, что написать матери. Печенье намокло, и Кристофер поспешил тут же его съесть. Было бы крайне неприятно, если бы кусочки печенья упали в кофе. Снова. Достал еще одно и опустил в кружку. Он уже полчаса ломал голову о том, как извиниться, но слова упорно не лезли ему в голову. Тут мужчина отпрянул от неожиданности, когда кот с размаху приземлился на ноутбук. Человек вздрогнул, печенье все-таки упало в напиток.

— Черт! — выругался Саммерс. — Эй, что с тобой сегодня такое? Только творишь свой кошачий беспорядок. Хватит тебе проказничать, — человек недовольно убрал кота к себе на колени, где Кардинал громко замурлыкал и выпустил когти прямо к кожу мужчины, на что последний не обратил внимание.

Кристофер вздохнул и начал писать:

Дорогая Мам,

Я спешу сообщить, что я чувствую себя намного лучше. Все мои прошлые увлечения я бросаю, кроме мотоцикла. К нему я привязался. Мне очень стыдно за те слова, какими я ранил твое материнское сердце. Надеюсь, ты примешь своего блудного сына обратно и простишь его грубость.

С великой надеждой и любовью

Твой сын Крисси

Р. S. Я встретил девушку, которая и побудила меня отказаться от моего пагубного образа жизни.

Сообщение вышло скомканным и коротким, но Кристофер ощутил огромное облегчение, будто камень с души упал. Он взялся за телефон и первым делом заказал уборку свое прокуренной и грязной квартиры. Позже он оставил сообщение Майклу Гризли, и засобиравшись в офис навещать Нэнси.

— Так, приятель. Сегодня ты не можешь остаться дома, потому что придут незнакомые люди и будут приводить это место в порядок. Поэтому, Кардинал, ты пойдешь со мной, а для этого нужно кое-что особенное, из черной тумбы в при-

хожей, человек достал шлейку и поводок, и кот тут же возбужденно засеменил к Кристоферу. По какой-то причине Кардиналу ужасно нравились прогулки в шлейке, и Кристофер гордился своим котом за его интеллектуальные способности и воспитанность. Когда со сборами было покончено, Саммерс удовлетворенно вышел в солнечный день.

Кристофер Саммерс встал с дивана, на котором он дожидался Нэнси и потянул носом воздух, подражая исследователю на полу. Кардинал с упоением обнюхивал невидимые пятнышки и трещинки в потертом линолеуме, считая это самым интересным на свете. В офисе, было душно и людно, работники сбивались с ног, готовя экспонаты перед выставкой. Народ то и дело, перехватывая и подписывая на ходу бумаги, заказывали кофе, договаривались о встречах и до ужаса много болтали. Даже в выходной день тут кипела работа. Кристофер ненавидел офисную суету, но сегодня он не обращал на это внимания: уж слишком многое произошло за этот, пока еще незаконченный день.

Мужчина машинально посмотрел на часы, висевшие в приемной, потоптался около аквариума с рыбками и, взяв кота на руки, незаметно вошел в кабинет Нэнси. В кабинете было прохладно и светло, поэтому он, налив себе воды, уселся за стол, заваленный бумагами, пустив Кардинала

обследовать ковер и цветы. Включив компьютер, Кристофер на секунду задумался о природе пароля.

Что-то глупое... Нэнси, Нэнси...

Тут Саммерс вспомнил песню, которую исполнял Френк Синатра «Что-то глупое, вроде Я люблю тебя» и начал тихонько напевать ее, пробуя пароль, который должен был подойти:

*Я знаю, что я стою в очереди,
Пока ты не решишь, что у тебя есть время,
Потратить вечер на меня.
И если мы пойдем куда-нибудь потанцевать,
Я знаю, что есть шанс,
Что ты уйдешь без меня.
И после всего мы находим тихое место,
Где выпиваем пару бокалов.
И потом я все порчу тем,
Что скажу что-нибудь глупое, вроде «Я люблю
тебя».*

Вирджиния Вульф — это не супернадёжный пароль, знаете ли.

Саммерс довольно напевает себе под нос, просматривая файлы, касающиеся дел в «Seven of Lords». Вдруг где-то в глубине кабинета зарождается грохот. Кристофер поднял взгляд и увидел, как здоровенный фикус медленно приближается к земле. Помимо падающего цветка, к нему летит испуганный кот. Не очень-то удобно разру-

шать кабинет Нэнси, особенно если ты пришел мириться, но почему-то происходящее кажется смешным, и Кристофер заливается смехом. Ситуация усугубилась, когда в этот момент (ни позже, ни раньше) хозяйка многострадального фикуса заходит в кабинет. Оглядев место преступления, она ошарашенно смотрит на Кристофера, который только разводит руками.

— Что здесь происходит? — только и успела выговорить мисс Скотт, перед тем как дверь в ее кабинет снова открылась, и внутрь ворвались секретарша и помощник Айзек.

— Мисс Скотт, у вас важная встреча в ... — его прервал оглушительный вопль Нэнси:

— Айзек! Выйди на минутку! И Лори с собой прихвати, — указывая на робкую секретаршу, выглядывающую из-за спины первого помощника.

— Нам с мистером Саммерсом надо обсудить его будущие похороны, — сказала она, медленно поворачиваясь к улыбающемуся Кристоферу. Тут же Кардинал, почуяв что-то ведомое только ему, легко прыгает на стол и обращает свои разноцветные глаза на Нэнси.

— А это что еще такое? — негодует Нэнси.

— Дорогая, я дома, — смеется Кристофер. — А это кот. Перед тобой прекрасный образчик Као Манн, а зовут его Кардинал.

Мисс Скотт яростно захлопывает дверь, и в скором времени из кабинета послышались новые вопли, ругательства и безудержный смех мистера Саммерса.

— И снова это происходит, — закатывая глаза, сказал Айзек перепуганной секретарше.

— Это нормально? Она его там не покалечит?
— встревожилась Лори. Она была новенькой и к таким сценам не привыкла.

— Конечно, нет. Мистер Саммерс и не такое пережил. Раньше у нее в кабинете стояли кактусы, правда, и котов он раньше никогда не приносил... — задумчиво произнес Айзек и удалился. Чуть погодя, когда высказавшая все свое недовольство Нэнси, опустилась в кресло, Кристофер налил ей воды и сказал:

— Я возвращаюсь к делам. Отпуск закончился!

— Наверно, это даже к лучшему, дорогой. Я с ног валюсь, пытаюсь продумать каждую мелочь. А ведь именно ты должен заниматься всем этим. В конце концов, ты же взрослый мужик и, однажды, я научусь не беспокоиться о тебе, — устало проговорила Нэнси.

— Почему ты выглядишь, как... Я не знаю, — она проглотила свой вопрос. — Ты изменился, дорогой. Да еще и кота завел. Даже и не знаю, что сказать на это.

— А тут и говорить нечего, — Кристофер весело усадил Кардинала на свое плечо, и засобиравшись уходить, но Нэнси не дала ему это сделать, остановив в дверях:

— Что-нибудь еще? — спросила она явно с надеждой. Саммерс задумался и выпалил громко и неожиданно для самого себя: — Мне кажется, я влюбился.

Нэнси открыла рот, и Кристофер поспешил удалиться вместе с котом, прежде чем мисс Скот скажет еще хоть слово.

Майкл Гризли смотрел футбол в баре и взволнованно поедал орехи из чашки, когда появился Кристофер.

— Ты не представляешь, что может быть в этих орехах, — приветствовал старого друга Кристофер.

— Чертов Кристофер Саммерс, — довольно пробубнил Гризли и сполз с табурета, чтобы обнять друга.

— Я думал, тебя еще недельку не будет. Чем ты все это время занимался, старый черт? — тут он заметил Кардинала, выглядывающего из-за пазухи, и незаметно отсалютовал ему.

— Да так, старина. Всего понемногу. Вот кота завел. Кардиналом звать. Ты бы видел, сколько Нэнси возмущалась, когда этот проказник ее фикс уронил

— Это ты правильно придумал, кота завести. Да и хорошо, что вернулся. Нэнси всю душу из меня вытрясла расспросами о тебе, как будто я знал, где ты пропадаешь. Не хочешь выпить со мной? — сказал Гризли, с пыхтением усаживаясь обратно.

— Нет, благодарю. У меня свидание сегодня. Надо привести себя в порядок, — смущенно проговорил Кристофер.

— Крисси, старый негодник. И кто она? — поинтересовался Майкл.

— Ты знаешь ее. Это девушка с яблоками, — Саммерс наблюдал, как густые брови Гризли поползли вверх.

— Черт меня возьми, — ошарашено прошептал он, — ты все-таки нашел ее.

— Скорее она нашла меня. Но это потом. Сегодня я иду на свидание, и я надеюсь, оно пройдет хорошо. Кристофер тепло попрощался с другом, приятно отметив, что больше не испытывает неприязнь к нему. Саммерс и Кардинал направились домой.

Что заставляет эту планету двигаться? Что заставляет 7 миллиардов людей снова туда-сюда, делать покупки, разводиться, изобретать, ходить на выборы, смеяться. Прощать и менять мнения? Что-то важное продолжает жить в этом мире, где каждый отчаянно хочет найти счастье. Может и мне выпадет шанс стать хоть чуточку счастливее.

Саммерс доходит до конца дороги, останавливается и ждет знака перехода. Вокруг много людей, но все они кажутся безликими для него, потому что он думает о зеленых глазах Ри. Он видит их силуэты, представляя мир в черно-белых тонах как в старом кино. Люди стерлись, оставив после себя лишь очертания, бесформенные оболочки, карандашные линии на ткани вселенной и времени. В его сознании дома и машины теряют свою

форму и превращаются в остатки энергии, в миф, в эхо. Мужчину забавляет вид целующихся гуманоидов по другую сторону дороги, таких неживых, таких мертвых. Кристофер смеется тому, как ловко его мозг меняет реальность для него, как просто искривить свое представление, убрать границы и нарисовать что-то новое. Так даже лучше. Эти слова врезаются в контекст, приобретая массовый характер. Они повсюду, на рекламных щитах, машинах, под ногами и на лицах. В его голове вспыхивает новая Вселенная, такая же, как и эти люди в его воображении, многоуровневая, со своей системой порядков и структурой. Он дает ей цвет, серый, и тут же тысячи оттенков занимают свои места на предметах. Серые люди на почти черной земле, перламутровые сооружения высятся и пронзают антрацитовое небо. Стальные эмоции, подобно нервам подчиняются серебристому разуму. Свинцовая собака пробегает мимо к негодованию Кардинала. Угольные растения там и здесь, сизая вселенная, грифельные воды. Все это взрывается в мозгу Саммерса за доли секунд, как обычно, принося восторг и негодование. Как и моя жизнь. Без резкости, без определенности, без контраста. Ничем не хуже и не лучше этой реальности. Саммерс почти счастлив. Он радуется своему вымышленному миру, его серости и этим людям без фокуса, размытым и нечетким. Он улыбается и, полный необузданной радости, поднимает глаза на противоположную сторону.

И его сердце замирает. В толпе серых людей выделяется одна тень, черная и опасная. Кристофер моментально узнает ее. Костлявая рука отделяется от человекоподобной формы и машет Саммерсу. Его охватывает ужас, и Крисси сильнее прижимает к себе Кардинала. Реальность раскалывается на множество частиц, заполняет существование своим едким и пыльным запахом, уничтожает любую иную мысль, кроме той, что послужила толком к разрушающим действиям.

— Я никуда не ушел, Кристофер, — раздастся голос. — Ты хотел прогнать меня, но ты не можешь. Идею нельзя убить, мысли нельзя запретить. Я часть тебя, и я никуда не уйду.

Саммерс забывает, как дышать. Его мозг безудержно работает, принимая множество информации, обрабатывая ее и сохраняя, но сейчас, все мысли, что создаются в его разуме, все связи, установленные или нет, сводятся в одну единственную точку, координату. Сознание подкидывает Кристоферу картины из давно забытого прошлого, и он не может изменить это. Он вновь думает, что у него приступ, и на всякий случай трясет головой, чтоб прогнать наваждение. Это помогает. Серая Вселенная исчезает, и перед Кристофером снова привычная реальность, толпа людей, машины, дома, Кардинал у него на руках. Его пробирает дрожь, и он торопится домой, чтобы смыть с себя серые краски.

Глава 10

Когда Саммерс забегает в назначенный час в «Royal's» на улице снова ливень. Дождь.

Дождь разделяет людей. Из-за него люди отменяют встречи и прячутся по домам. Некоторым он приносит облегчение, например, тем, кто вынужден скрывать свою внутреннюю боль от чужих глаз. Иногда дождь становится предвестником бури, которая может изменить многое в жизни любого. Дождь — это когда Вселенная говорит с тобой. Холодно или тепло, но вода проникает в внутрь тебя, намереваясь смыть душевную боль, и как бальзам исцелить ноющие раны.

В кафе уютно. Народу много, все столы заняты, но Кристофер сразу замечает старушку Пикфорд, которая знаком указывает на свободный столик у окна с табличкой «Забронировано». Саммерс тепло машет ей, проводит рукой по влажным волосам, снимает свой плащ и садится.

Кристофер взволнован и чувствует, как все внутри него переворачивается от ожидания. Он достаёт из портфеля альбом, и аккуратно кладет его на стол.

Сегодня я нарисую ее снова.

Время идет мучительно медленно, за окном быстро темнеет, и Саммерс задумчиво сидит,

растворяясь в окружающем его шуме. Взглядом он следит за дождевыми дорожками, но он тут же отвлекается и смотрит куда-то в сторону, подчиняясь незримому порыву. Он беспристрастно оглядывает столики и замечает в дальнем углу пожилую пару. Обоим уже далеко за пятьдесят, но все равно они хорошо смотрятся вместе. Седовласый мужчина нежно накрыл руку женщины, лежавшую на столе, и Кристофер невольно позавидовал.

Столько любви между ними. Сколько, должно быть, они пережили, но не утратили близость.

Из приглушенного множеством голосов радио приятной теплотой разлился голос Джонни Кэша. Смотря на любовь, вечную и безупречную, как казалось Кристоферу, он с интересом отметил, что «I Walk The Line» идеально подходит к этой паре:

Я не спуская глаз со своей любви.

Я не закрывая глаза ни на секунду.

Я дорожу всем тем, что нас соединяет.

Потому что ты моя, ради тебя я буду безупречным.

Саммерс уверен, что тоже хочет быть таким же в свои седые годы. Вот так же, как тот старик сейчас, держать свою любовь за руку, вдыхать запах ее волос, и быть уверенным, что она тоже любит. Кристофер невольно подумал о своих родителях, вспомнив, что они никогда так не делали, да и во-

обще своего отца он плохо знал. Кристофер помнил только споры и крики, звон разбитой посуды и хлопки дверей. Он никогда не знал, о чем они спорили, потому что старался как можно лучше спрятаться, чтобы остаться одному и тихонько плакать.

— Кристофер, — услышал мужчина голос у себя в голове.

Ликс...

Перед глазами встали давно забытые картины из детства. Он чувствовал неприятный запах, испуганно, стоя в углу своей комнаты. Ему, может, всего 4. Кристофер видит, как тень отделяется от чего-то темного на полу, вырастает на стене, и улыбается, скаля невидимые зубы. Что-то теплое разливается по его штанишкам, а сердце колотится. Маленький мальчик вцепился в плюшевого медведя и смотрит в темноту комнаты, но Саммерс не видит эту часть.

— Кристофер, — произносит женский голос, который так удачно вырывает его из страшных воспоминаний. Саммерс открывает глаза и видит перед собой девушку. Она примирительно улыбается, видимо, извиняясь за опоздание.

Ри... Это ты. Господи, что я видел?

— Я опоздала, — сказала она садясь напротив мужчины. — Я смотрю, ты зря времени не терял, — указала она на альбом. Тут Кристофер опустил взгляд, и увидел, сломанный карандаш и черные зарисовки того, что он видел. На рисунке был

Ликс и мальчик в углу. Но часть нарисованной комнаты была черна, скрывая в своей темноте нечто такое, что приводило в ужас его до сих пор. Саммерс еще секунду смотрел на рисунок, но потом поспешно закрыл альбом.

— Пустяки, — сказал он, чудом уняв дрожь в голосе.

— Я собирался нарисовать тебя. Если ты позволишь, конечно.

Она засмеялась. Ее волосы были уложены в красивую прическу, а на спинке стула покоился мокрый зонт.

— Смотря, как ты попросишь об этом, — сказала Ри, и ее улыбка напрочь вышибла тревогу и сомнения из разума Кристофера. Он утонул в зелени ее глаз. Она изменилась. Не было заплаканного лица и растёкшейся туши. Не было и порванных колготок. На ней было потрясающее серое платье, на которое каскадом спадали рыжие локоны.

— Ты приковываешь мой взгляд! — сказал Кристофер и поерзал на стуле. — Почему всякий раз, когда я встречаю тебя, ты поражаешь меня?

— Ну, может потому что я эффектная? — она повела плечами, словно подтверждая свои слова. — Боже, я умираю с голоду. Здесь так мило, и я слышу, — она прислушалась, — Джонни Кеш? Не то чтобы я люблю его, не считая одиноких ночей с ведерком мороженого, когда Джонни составлял мне компанию, — она снова улыбнулась и жестом

подозвала официантку. — Эм, привет, — сказала она. — Видите ли, это наше третье свидание, и нужно что-то «особенное», чтобы отпраздновать это. У вас есть что-нибудь острое? И кофе, черный, без любых намеков на сахар.

Молодая девушка записала заказ, и с лукавой улыбкой повернулась к Кристоферу:

— Мистер Саммерс, вам тоже что-нибудь «особенного» или как всегда?

— Спасибо, Мина, — смутился Кристофер. — Я возьму как обычно, — он посмотрел на официантку, та весело подмигнула, и удалилась.

— Ты здесь часто бываешь...

— Третье свидание...

Они оба сказали это в одно время, и тут же замолчали, может только для того, чтобы услышать слова песни:

*Любовь сладка,
Когда сердца вроде наших встречаются.
Я, как мальчишка, влюбился в тебя,
Но огонь вышел из-под контроля.*

Кристофер залился краской. Ему почему-то было не по себе. Может, потому что он так внезапно влюбился в девушку, а, может, потому что не хотел показаться законченным романтиком. Но как ни крути, песня точно передала его чувства.

— Знаешь, я только что пересмотрела свое отношение к Кэшу, — задумчиво сказала она и прикусила губу.

— Да? — Саммерс обрадовался тому, что тишина между ними исчезла. — Не то чтобы я люблю Кэша.

— Кристофер, почему бы тебе не нарисовать меня сейчас? — перебила девушка. — Когда принесут еду, вряд ли тебе удастся сделать это: в наших отношениях с едой нет место третьему, — смеясь, сказала она, но на Кристофера это подействовало, и он поспешил занять себя чем-то привычным. Саммерс достал новый карандаш и окинул девушку напротив себя профессиональным взглядом. Красота. Непривычная красота. Саммерс не знал, верить ли своим глазам, этой реальности. Ее волосы, непослушные, рыжие, сводящие с ума, каскадом спускались на плечи и чуть прикрывали часть лица. Ее тонкие пальцы, созданные, как думал Кристофер, для игры на струнных инструментах, скрестились в замок на столе. Ее губы улыбались Кристоферу. Раз, всего раз он поцеловал ее, там, в парке, только для того, чтобы доказать себе, что она реальна, но тот самый поцелуй сейчас взрывал его сознание. Он прикусил кончик карандаша, поймав себя на мысли, что хочет от нее больше чем поцелуй. Он хочет изучить каждый миллиметр ее тела, хочет свободно вдыхать запах ее огненных волос. Кристофер хочет смотреть на нее, пока она спит. Хочет, чтобы его глаза были первым, что она увидит, когда проснется. Он хочет запомнить каждый изгиб ее тела, распознать каждую интонацию ее

чувств. Именно поэтому сейчас Саммерс отгоняет любые мысли, оставляя чистое сознание, и легко, почти невесомо, делает эскиз черным карандашом. В его голове проносятся тысячи мыслей, но все они связаны только с девушкой напротив. Маргарет сидит неподвижно, явно уловив мысли Кристофера.

Может ли она остаться? Могу ли я остаться?

Кристофер нахмурил лоб, стараясь как можно точнее передать образ на бумагу. Ри. Ее серьги слегка покачиваются. Губы то чуть приоткрываются или расползаются в улыбке.

Саммерс почти физически чувствовал душу девушки, ее сознание, поток мыслей и страсть, с которой она смотрела на него. Через пару мгновений, Кристофер удовлетворительно откинулся на спинку стула, захлопнув альбом.

— Ну вот, — сказала он, — здесь ты получилась очень и очень привлекательной.

— Эй, покажи мне, — возмутилась Ри, — я же имею право посмотреть.

— Ты увидишь рисунок, если согласишься зайти ко мне на чашечку кофе, — рискнул Кристофер, но тут же немного скованно потупил взгляд.

— Конечно, — чуть поколебавшись, ответила рыжеволосая девушка. — Я уж думала, ты не согласишься. Я хочу увидеть твой дом, то, как ты живешь и кота. Я еще в прошлый раз заметила белую шерсть на твоём свитере.

Мир изменился.

— Как точно. Да, у меня есть кот. Его зовут Кардинал.

Время ускоряется. Почему все так стремительно?

— Знаешь, Кристофер. Я знала, что так будет еще, когда в первый раз увидела тебя. Я хорошо чувствую людей. Ты должен понять, что это произойдет, и я не хочу, чтобы это случилось, в любую другую ночь, потому что этот момент наших жизней столь необыкновенный, что я не хочу терять время на хождения вокруг да около, — серьезно сказала она.

Мужчина запротестовал:

— Ри, я не уверен, что... — он и сам не понял, что хотел сказать, поэтому просто кивнул.

Черт, женщина, мне нечего сказать тебе.

Саммерс старательно пытался успокоиться, потому что рука Элизабет внезапно легла на его руку, безвольно лежащую на столе.

Совсем как та пожилая пара, за которой я наблюдал.

Саммерс взял ее руку в свою. Он смотрел на нее и понимал, что эта необыкновенная девушка в свое время могла спасти не только от одиночества, но от безумия.

— Ты никогда не сможешь предположить, что принесет тебе дождь, — сказала она. — Ты не знаешь. Я тоже не знаю. Мы здесь. Ты и я. Каждый день я встречаю сотни людей на улице, но в самый паршивый день своей жизни именно ты поделился со мной сигаретой. Как такое вообще может быть? Теперь ты видишь? Из всех этих за-

бавных людей, которые нацепили маски и думают, что они этим защищены, я встретила тебя. Снова. Если это не счастливая случайность, то, может быть, Бог свел нас вместе. — Ри замолчала и скромно улыбнулась, видимо опасаясь реакции Саммерса.

— Знаешь, я думаю, — Кристофер поднялся на ноги. — Давай сбежим отсюда прямо сейчас? Ри, непонимающе смотрела на него секунду, потом кивнула. Собрав свои вещи, и одеваясь на ходу, они выбежали из «Royal's» так и не дождавшись своего заказа.

Безумие. Это полнейшее безумие.

Кристофер ощутил жар, проходящий по его телу, когда Маргарет взяла его за руку.

— Это безумие, — пытался перекричать дождь Кристофер, прикрывая портфелем голову.

— Да! Еще какое, — ответила Ри, и прильнула к мужчине. Они стояли и целовались под дождем до тех пор, пока не вспомнили, что им необходимо дышать. Отстранившись, Кристофер поймал такси, и они направились к нему. Дорога показалась ему бесконечной. Может, это оттого, что они не прекращали целоваться на заднем сидении автомобиля, пока машина везла их сквозь стену дождя? Мысли Саммерса устроили скачки у него в голове, и он не сразу сообразил, что дважды поздоровался с консьержем. Они поднялись на этаж, и Кристофер удивительно быстро открыл дверь своего дома. Кот, почуяв перемены, поспешил

скрыться на подоконнике, потому что люди, так и не заметив его, чуть не наступили на бедного Кардинала. Они не включали свет. Им он был не нужен. Они уже чувствовали единение душ, как будто знали друг друга всю жизнь.

— О, Кристофер, — прошептала она и коснулась холодными пальцами его щеки. Саммерс растворился в этой ласке, решив для себя, что, что бы ни случилось, он не отпустит Маргарет никогда.

Никогда.

Женское тело всегда пленило Саммерса своей красотой. Вот и сейчас он наблюдал за кошачьими, мягкими, но в то же время опасными движениями женщины, в которую он влюблен до безумия. Она нахмурилась, чуть склонила голову, и Кристофера вновь накрыло волной жаркого удовольствия. Его центром вселенной, безусловно, была она. Такая хрупкая, но сильная, заполонила все существование Саммерса. Она жадно впивалась в его губы, забирая душевную боль, выхватывая стоны, заставляя не думать ни о чем кроме нее. Мужчина усмехнулся, когда Ри укусила его за плечо. Он глубоко вздохнул и перевернулся, нависая над девушкой.

Она красива. Боже, как же она прекрасна сейчас.

Мысль, что полет ястреба завораживающе далеко и рядом, пронзает своей кристальной чистотой. И вновь вдаваясь в подробности ритма, ловя увлечение за хвост, и, возможно, заставляя его

продлиться чуть дольше, чуть глубже, чтобы превратить в нечто большее, Саммерс целует ее снова и снова. Он никогда не думал, что может быть таким счастливым и испуганным в одно мгновение. Она стонет под ним. Она предана ему сейчас. Она восхваляет богов, что послали ей этого прекрасного мужчину. Маргарет знает, что еще немного и все закончится, но в этот момент, в момент, когда они оба бесконечны, девушка уверена, что нашла то, что давно искала.

— Я с тобой — еле слышно шепчет она, но порыв страсти выхватывает ее высокую мысль, топчет своей силой, уничтожает своим жаром. И вновь прерванный поцелуй, и вновь им двоим необходимо дышать. И вновь пальцы сжимают пальцы, ногти царапают спину. Горячая кожа и ощущение полета. В мозгу взрывается Вселенная. Кристофер почти на грани, они оба, потому что время неумолимо. Любители подходят к той черте совершенства, ради которой они затеяли эту непредвзятую игру света и теней на их телах. Их неловкие, но столь необходимые сейчас движения есть не что иное, как произведение искусства, которое оба так старательно и самоотверженно создают. Саммерс соединяет ее упоительный вздох со своим в поцелуе. Последний штрих. Еще одно движение и Кристофер отпускает себя для опьяняющей кульминации. Они устали, выжаты и бесконечно счастливы. Переплетая свои тела так, что уже нельзя сказать, где чье конечности, они тяжело дышат, восстанавливая дыхание.

— Сейчас мы совершенны, — шепчет девушка, спустя какое-то время.

— Мы совершенны, — вторит ей мужчина.

— Как думаешь, ты можешь остаться? Этот вопрос мучает меня очень давно.

— Да, — отвечает она, кладя голову на грудь Кристоферу. — Если только ты позволишь остаться.

— Останься, — говорит он, чувствуя, что Ри засыпает. — Я ведь люблю тебя, — говорит он, но девушка не слышит.

Что это? Признание? Страх остаться одному? Как я могу любить ее? Разве мы можем быть совершенными?

И он засыпает, вверяя свое сознание сновидениям, надеясь, что утром рыжеволосая девушка будет рядом.

Мне знакомо это — легчайшее прикосновение судьбы к щеке после горькой пощечины. Холодный пол. Кристофер ступает по холодному полу босыми ногами. Он видит картины на стенах, видит людей на портретах. Он в своей галерее. «The Seven of Lords». Его детище и проклятие.

Саммерс шагает по знакомым коридорам и залам, лишь изредка выхватывая взглядом некоторые картины, отмечая, что их не должно быть здесь. Повсюду маленькие и огромные, совсем старые и новые пейзажи, абстракции, натюрморты. Сцены насилия и любви напротив друг друга,

английские первопроходцы висят рядом с французскими революционерами, русские барышни слева от английского импрессионизма. На стенах нет свободного места. Нет окон. Не дверей. Темно. Кристофер все равно видит, и ему кажется, что за ним следят тысячи глаз.

«Американская готика», Гранд Вуд.

Саммерсу трудно дышать от многообразия живописи, и он бежит. Бежит так быстро, что слышит только свое дыхание и больше ничего. Холодные ноги шумно шлепают по чистому полу, мимо мелькает тысячи глаз людей и животных. Мужчина бежит по галерее мирового художественного бреда и ему страшно.

«Лицо Войны», Сальвадор Дали.

Он бежит долго, но в скором времени, устав, останавливается и опасливо оглядывается назад. Ничего. Он облокачивается на «Черный Квадрат» Малевича и пытается отдышаться.

Снова кошмары.

Вдох.

Что я здесь делаю?

Выдох.

Что преследует меня? Надо проснуться.

Голова у Саммерса гудела так, что он едва различал свои мысли. Ему было по-прежнему холодно, несмотря на бег. Кристофер спустился на пол и откинул голову, пытаясь привести мысли в порядок.

Идиот. Это сон. Сколько можно бояться собственной тени?

Тут же мужчина вздрогнул, потому что услышал кроме всепоглощающей тишины что-то еще.

Аплодисменты?

Раздался хохот.

Ликс...

Кристофер вскочил на ноги и огляделся в поисках оружия. Но ничего, кроме картин, не было. Тогда он выпрямился, встряхнулся и приготовился к худшему.

«Крик», Мунк.

— Тебя не существует. Ты нереален, — крикнул Саммерс. А из темноты неторопливо, почти лениво вышел Ликс, продолжая хлопать.

— Bravo! — сказал он удовлетворенно.

— Прекрасный анализ, Шерлок. Меня не существует, но все же я здесь, не так ли? Наконец-то, ты понял, что тебе не скрыться от меня. Саммерс ошарашенно попятился, когда увидел вполне реальные и различимые темные руки, лицо и шею.

— Твои руки. Ты же...

— Плоховато выглядишь, Кристофер, — продолжил Ликс, не обращая никакого внимания на человека. — Разве ты не должен прожигать жизнь, как я планировал? — демон притворно вскинул то, что должно было быть головой, изображая задумчивость. — Ах, да. Ты же нашел себе ту единственную. Что ж, это даже хорошо.

— Что тебе нужно? — еле слышно спросил Саммерс.

— Мне? Мне не нужно абсолютно ничего. Я пришел завершить то, что должен завершить. Я покажу тебе кое-что. — Ликс коснулся до картины, и ее на мгновение заволокло черным дымом. — Ты слишком долго был в неведении, но такое не забывается, Кристофер, — Ликс посмотрел на человека и пальцем поманил его к себе. Кристофер оцепенел. — Подойди, мой друг. Ты увидишь, что произошло с тобой в ту ночь, которую ты не хочешь помнить, которую тебе запретили помнить.

Кристофер пропустил ровно три удара сердца и шагнул к Ликсу. Подойдя к картине, он сдул дым, словно это была пыль. Взглянув на картину, он ощутил, как колени у него подкосились, но Ликс поймал его своими реальными черными руками.

«Апокалипсис», Джон Мартин.

Саммерс не сводил глаз с картины. На ней он видел себя и свою комнату. Все то же самое, вот только все четче и можно различить, что лицо мальчика в кровавых брызгах, а на полу перед ним лежит человек.

Кристофер все-таки падает, хватаясь за голову. Он слышит, как смеется Ликс. Перед глазами мелькают обрывки реальности, звуки, в сто раз громче обычного, стремятся разорвать его мозг на части. Кристофер слышит крики и кричит сам, стараясь заглушить их. В порыве ярости он вскакивает, сдирает картину со стены и швыряет ее в Ликса, который от удара рассыпается тысячами крохотными черными кристалликами.

Внезапно кто-то грубо вырывает его из кошмара. Кристофер вскакивает, и тут же к нему кто-то прижимается. Он машинально крепко обнимает человека, пытаясь унять, бешено бьющееся, сердце.

— Все хорошо. Это всего лишь кошмар. Я здесь. Я держу тебя, — говорит Маргарет.

Ри... Боже, мой.

Саммерс стискивает хрупкое женское тело, и понимает, что плачет.

Кристофер проснулся от того, что кто-то включил его старинный патефон.

Это все пустяк, главное — это петь.

Солнце только высывалось из-за облаков, и Кристофер сонно моргая, провел рукой по лицу. Он проснулся окончательно, когда вспомнил события прошлой ночи. Почему-то сейчас кошмар не так пугал.

«Это не важно, если амплитуда не та» — пела Элла Фитцджеральд. Ричард улыбнулся, когда заметил девушку в его рубашке, которая стояла в дверном проеме.

— Нашла у тебя пластинку Эллы. Подумала, что это прекрасный способ начать день, — она подошла и уселась на край кровати, пристально смотря на мужчину.

— Не хочешь рассказать? — просто спрашивает она. Кристофера на мгновение задевают ее слова.

— Нет вообще-то. Это просто кошмары. Всем сняться кошмары, — говорит он и натянуто улыбается.

— Хорошо. Тогда ответь, кто такая Мисси? — спрашивает Ри, и указывает на карточку с подписью.

— Горячая кровь из моей пошлой жизни, — правдиво отвечает Саммерс. — Я даже не помню ее.

— Да уж. Классная у тебя насыщенная прошлая жизнь, — она засмеялась.

— Не волнуйся. Настоящая жизнь лучше в сто раз. Я проверял.

— Seriously? Ты уверен?

— Ну, был, пока ты не спросила, — он хмыкнул.

— Как на счет этого? — Саммерс повалил ее и увлек в поцелуй, нависая над ней.

— Эй, мне надо на лекцию, — новый поцелуй.

— Сегодня понедельник, — возмущается девушка.

— Тсс, подождет, — ответил мужчина, все больше распаляясь. — Я должен удостовериться, что ты сдержишь обещание. Помнишь? Я хочу, чтобы ты осталась. — Он расстегивает рубашку на девушке. — Я думаю...,-он крепко целует ее. — Я думаю, сегодня мы никуда не пойдём.

— Согласна, — говорит Маргарет. Больше слова им были не нужны. И в это осеннее утро, забывая ночные кошмары и прошлые страхи, они оба растворились в чарующем голосе Эллы Фитцджеральд. Казалось, они подходят друг другу во всем. Человек — безумец, и Девушка с яблоками.

— Все хорошо. Это всего лишь кошмар. Я здесь. Я держу тебя.

Глава 11

Дорогая Мам,

Время идет. Жизнь продолжается. Мне снятся кошмары, но теперь рядом со мной есть человек, который прогоняет страх. Ее имя Маргарет Грей, и я люблю ее. Она рыжеволосая, смешная и умеет готовить суфле. Я часто рисую ее. Она смеется чаще меня, и ее смех заставляет меня жить дальше. Мы уже почти месяц живем вместе, и все это время я был бесконечно счастлив. Я думаю, привезти ее на Рождество. Мам, я знаю, ты злишься, ведь я не получил ни одного письма от тебя. Однажды, рано проснувшись утром, я понял, насколько скучна моя жизнь без Ри (я называю ее именно так). Конечно, пару раз я срывался, но она всегда находила слова, чтобы успокоить меня. У меня все налаживается.

Крисси

У Вселенной всегда свои правила. Вчера мы были совсем другими людьми. Ее томный взгляд. Именно томный, иначе нельзя сказать, он завораживает меня. Кажется, если я закрою на секунду глаза, она исчезнет. Но Маргарет здесь. Никогда в жизни я не чувствовал

себя так правильно. Она шепчет нежности по утрам, дразнит меня, когда готовит нам ужин. Ее, мягкий и в то же время твердый голос. Я слышу в нем уверенность. Она катастрофична. Иногда мне кажется, в какой-то определенный момент, струна, натянутая до звенящего предела, лопнет, оставив следы безумия на губах. Она говорит, что любовь руководит нашими действиями. Я верю ей, потому что именно Ри учит меня быть настоящим теплым человеком.

— А что если все, что ты видишь, не существует? — Саммерс лениво проводит кистью по холсту.

— Не существует, ну и ладно. Разве с этим нужно что-то делать? — Маргарет нарезает перец и кладет его в миску. — Раз то, что я вижу, не существует, значит, я закрою глаза, и все станет снова существовать.

Кристофер улыбается такому ответу. Как же хорошо, что они проводят много времени вот так, ничего не делая вместе.

— Это хороший ответ. Я думаю, даже лучший из тех, что я когда-либо слышал. Обычно люди не понимают.

— Да? — она отрывает взгляд от перца и смотрит на Кристофера с подозрением. — Я думала, ты редко говоришь о таких вещах с людьми.

— Ну, мне всегда интересно мнение людей о вещах, занимающих мой ум постоянно.

Она смеется. Саммерс откладывает кисть и подходит к ней.

— Я всегда думал, что не смогу найти кого-то, кто бы так хорошо понимал меня, — он обнимает ее сзади.

— А я была уверена, что не встречу человека, обсуждающего с котом политику, — парирует она, пытаясь скрыть улыбку.

— Между прочим, Кардинал очень умный. — говорит Кристофер и целует Ри куда-то в шею.

— Ты же меня испачкаешь своей краской, — замечает она.

— Ты права, но какое это имеет значение, если я уже испачкал тебя.

— Кристофер! — возмущается женщина, откладывает нож и поворачивается лицом к нему.

— Иногда мне кажется, что я разговариваю с ребенком.

— Мне тоже, — говорит Саммерс и целует ее, пока она не начала возмущаться. — Ри, я хочу, чтобы ты завтра пошла со мной на открытие выставки. Там будет ужасно скучно. Мне придется говорить речь. А с тобой можно будет сбежать отсюда в любой момент, — он с надеждой смотрит на нее.

— Конечно. Только одно условие. Пообещай мне, что если я пойду с тобой, ты сейчас дашь мне закончить этот салат.

— Я никогда не обещаю невыполнимое, — говорит он и снова целует ее.

У Вселенной свои правила. Но всегда бывают исключения...

Однажды одинокий маленький мальчик пришел в город. Потерянный и напуганный он заглядывал в лица людей, но те только хмурились и грубили. Он остановился у лавки со сладостями. На витринах лежали причудливых форм шоколадки, полосатые конфеты и леденцы на палочке, карамельки, шоколадные конфетки, белые темные и много чего еще. Пока он смотрел и мечтал, ему казалось, что он живет другой жизнью. Ему казалось, что он счастлив. Он мечтал, что вот-вот из лавки выйдет его мама и так тепло улыбнется ему. Они пойдут домой, где их будут ждать его любящая семья. Он заберется на отцовские колени, помещав читать ему газету. Отец поднимет его на руки и будет подбрасывать, а он будет смеяться. Внезапно колокольчик на двери прозвенел, и из магазина вышли несколько ребят, открывая конфеты и что-то обсуждая. Деревенские мальчишки увидели его. Они сказали, что он монстр. Саммерс всегда знал, что с ним что-то не так, и Кристофер очень старался вспомнить, почему он такой.

Я не знаю что со мной. Вечный поиск. Человеческая трагедия. Множество лент и судеб. Может, и нет никакой истины? Кто знает, где настоящий мир, а где сумасшествие? Я не знаю. Что я сделал? Не знаю, как будет правильно. Я счастлив сейчас. И мне предстоит еще многое увидеть и понять, потому что никогда не знаешь, что ждет тебя впереди. Как говорила Ри, никогда не знаешь, что принесут те или иные дожди. Я хочу, чтобы Вселенная запомнила меня хорошим человеком. А для этого нужно вставать

всякий раз, когда падаешь. Я заблуждался, теперь мне необходимо подняться и сделать свою жизнь такой, какой я хочу ее видеть.

Время пролетело незаметно, и момент, которого так боялся и жаждал Саммерс, настал. День, открытия выставки.

— Дорогая, как ты думаешь, что лучше надеть: этот костюм или все-таки смокинг? — Кристофер битый час танцевал перед зеркалом, пытаясь решить, в чем он будет лучше выглядеть.

— Боже, Крисси, ты собираешься уже два часа! — Ри в потрясающем зеленом платье как раз надевала серьги. — Мы же опоздаем. Даже я уже собрана, а ты до сих пор в трусах. — Она оценивающе посмотрела на костюмы. — Лучше смокинг, — вздохнула Маргарет

— Но меня же будут путать с официантом! — Возмутился мужчина.

— Тогда надень тройку.

— Нет, ты права. Лучше смокинг. В костюме тройке я выгляжу полновато, — согласился Саммерс, снимая костюм с плечиков.

— Поторашливайся, — сказала Ри, надевая черные туфли. Довольно быстро Саммерс вернулся, полностью одетый.

— Ну и как я? — спросил он. — Прекрасно. А теперь пойдём.

— Да, сейчас только возьму часы. Они в спальне. Я быстро, — мужчина скрылся в спальне. Вернувшись с часами, он краем глаза заметил что-то

светлое, быстро приближающееся к нему. Он понял слишком поздно, что замышляет Кардинал, чтобы остановить его. Кот с размаху прыгает на комод рядом с мужчиной, снося все на своем пути. Кристофер поворачивается и пытается поймать вазу с розами, которую поставила Ри еще утром. Вся вода оказывается на человеке, а кот, выполнив высший пилотаж, поспешил скрыться с места преступления

— Кардинал! — что есть мочи закричал Саммерс, оглядывая свой испорченный костюм. — Лучше тебе не появляться сейчас, дрянной ты кот!

Маргарет залилась смехом, а Кристофер поспешил переодеться, а виновный с интересом наблюдал с книжного шкафа за тем, как, ругаясь и проклиная кота, на чем белый свет стоит, мужчина стаскивал с себя одежду.

— Чертов кот, — все еще не успокоившись, сказал Кристофер через некоторое время, критично разглядывая себя уже в костюме-тройке. Они вышли с опозданием в 15 минут. А кот с разноцветными глазами спустился только тогда, когда дверь за сумасшедшим человеком закрылась.

Шум зарождается где-то в глубине этого извечного хаоса. Люди. Картины. Скульптуры. Саммерс тонет в шуме и голосах, наблюдая за тем, как Нэнси купается в лучах славы. Она заслужила это. Прекрасное настроение Саммерса куда-то исчезло. Ри, увлеклась обсуждением произведений,

став в одночасье звездой вечера. Народу было с полсотни, если не больше, и все большие шишки, напыщенные и неуклюжие с истеричными женами. Кое-где сновали журналисты и фотографы.

Здесь невыносимо.

Повсюду мерцали огни. Тут и там бегали официанты, а стол ломился от еды и напитков. Что и говорить, Нэнси с блеском организовала вечер, и он обещал стать отправной точкой к развитию «The Seven of Lords». Здесь можно было найти как влиятельных людей, художников и писателей всех мастей и направлений. Саммерсу даже удалось увидеть миссис Пикфорд в потрясающем бежевом костюме. Он лично пригласил ее.

У Кристофера заболела голова, и он взмолился, чтобы у него снова не случился приступ.

Я действительно не понимаю, что я делаю здесь. Меня здесь не должно быть.

— Тебя не должно быть здесь, — наяву услышал голос Кристофер. Мужчина огляделся, но никого рядом не оказалось. Саммерс взял еще один бокал шампанского, что так дружелюбно предложил официант, и залпом осушил его. К Кристоферу подходили люди и здоровались, но он неизменно возвращался к своим мыслям.

Черт, только не это. Ликс, проваливай из моей головы!

— Дамы и господа, давайте начнем, — внезапно раздался голос Нэнси, без особой нужды усиленный микрофоном. Я приглашаю на эту

импровизированную сцену создателя и вдохновителя, владельца галереи современного искусства «The Seven of Lords», Кристофера Саммерса. Люди побросали разговоры, обернулись в сторону Кристофера и стали аплодировать. Саммерс, приложив нечеловеческие усилия, совладел с собой и вышел к микрофону.

— Добрый вечер, дамы и господа, — он сглотнул. Множество глаз смотрели на него, и среди толпы он увидел свою мать. Что-то щелкнуло в его голове и он погрузился в свои мысли. На мгновение ему стало невыносимо тоскливо и страшно.

— Стены «The Seven of Lords» рады приветствовать вас здесь на открытии выставки, посвященной... — он запаниковал, потому что на стене позади гостей увидел своего давнего демона. — В любом случае, я всем вам рад, и вверяю вас в заботливые руки несравненной мисс Нэнси Скотт, которая все это время служила мне верным другом и поддержкой. — Кристофер попытался успокоиться. — Прошу мисс Скотт, сегодня ваш вечер, — сказал Саммерс и поторопился удалиться. Его проводили несколько недовольных взглядов, но ему было все равно. Нэнси, мастерски скрыв тревогу, направила вечер в нужное русло, и вскоре все забыли о странном мистере Саммерсе.

Черт, почему это снова происходит?

Две обеспокоенные женщины отделились от толпы и последовали за Кристофером, который пройдя в пустующий зал, прислонился к стене,

в тщетной попытке успокоится. Перед глазами вновь и вновь вставали страшные картины, но в этот раз все ярче и ярче.

— Я здесь Кристофер, — вкрадчиво шептал Ликс.

— Оставь меня в покое! — кричал Саммерс.

— Проснись, мой мальчик, — Саммерс вновь услышал голос Ликса, но уже в своей голове.

— Кристофер, — обеспокоенно сказала подошедшая мать.

— Отойди от меня! — неожиданно для себя закричал Саммерс. — Ты была там в ту ночь, ночь которую я не могу вспомнить. О, Боже... — он упал, и поднял руки в попытке защититься. Кристофер воочию оказался в той комнате, смотря на все глазами четырехлетнего мальчика.

— *Кристофер, поднимайся, сынок, ты пойдешь в место, где не будет боли,* — сказал голос, и Саммерс узнал голос Ликса. Мальчиком Кристофер замотал головой, чтобы отогнать весь этот бред. Он не мог понять.

— *Кристофер! Чарльз!* — послышалось где-то далеко в его сне.

— Кристофер! — Ри, упала рядом с Саммерсом на колене и обняла его, как она делала множество раз, когда ему снились кошмары. — Не стойте! Позовите на помощь! — крикнула Ри.

— Боже, — в ужасе промолвила она. — Он вспомнил.

Саммерс в своем кошмаре, увидев тень, отбрасываемую человеком в его комнате, выскочил из кровати и спрятался в углу.

— *Иди, сынок. Я избавлю тебя от боли,* — вкрадчиво сказал человек, Ликс, тень — Кристофер уже не знал, что это такое.

— *Нет,* — сказал мальчик и услышал как сотрясается дверь. — *Я хочу к маме.*

— Я хочу к маме, — застонал Кристофер на руках у Маргарет, и миссис Саммерс не выдержала и заплакала.

— *Чарльз, не смей! Оставь его в покое!* — раздался крик по ту сторону двери.

— *Очень хорошо,* — сказал человек, вынимая из продолговатой сумки ружье. — *Идем со мной, Кристофер,* — он направил оружие на мальчика. — *Тебе нечего делать в этой жизни.*

Мальчик помотал головой, сильнее вжимаясь в угол. По пижамным штанишкам разлилось что-то теплое.

— *Тогда, я уйду без тебя,* — сказал мужчина с голосом Ликса, направляя оружие себе в рот.

— *Чарльз! Боже, открой эту чертову дверь!* Чарльз! — дверь жалобно скрипела от ударов, готовая в любой момент сорваться с петель.

— *Не надо, папа!* — закричал Кристофер, но выстрел прогремел, и человек рухнул на пол. Теплая отцовская кровь брызнула мальчику на лицо, смешиваясь со слезами. Наступила тишина.

— Нет! — закричал Кристофер, дергаясь в руках Ри. Одинокий, напуганный мальчик, посреди ночи стоял в углу своей комнаты, и во все глаза смотрел на то, как по ковру вокруг его отца рас-

текается лужа крови. В эту страшную минуту или потом, маленький Кристофер придумал себе друга и назвал его Ликс, чтобы хоть как-то справиться с тем, что ему пришлось пережить.

Свет погас в глазах Кристофера, и стало холодно. Сквозь непрекращающийся крик и суету, через разрушающуюся материю и рвущуюся ткань реальности, Саммерс различал едва уловимые голоса. Уже падая в пустоту, во тьму без массы и права на существование, холодное и неживое пространство в его голове крутилось лишь одно слово:

«Папа».

Пространство сужается до размеров атома. Секунду ничего не происходит. А потом реальность взрывается, образуя своей волной новые миры и возможности. Он думает, что кто-то обеспокоенно трясет его за руку.

— Меня нет, — вслух думает он. И эти слова наполняются смыслом. Словно так было всегда и будет еще бесконечно долгое время.

— Тебя нет, — вторит еще какой-то голос.

— Я не знаю, кто я.

— Ты не знаешь, кто ты, — вторит голос.

Мир обретает цвет. Белый. Без полов или стен. Просто бесконечно белый цвет.

— Где я? — спрашивает Кристофер.

— Действительно, где ты? — усмехается голос.

Все становится ясным. Он как будто рождается. Сначала приходит ощущение тела. Его тело безвольно болтается в пространстве. Он чувствует прохладу всем телом. Потом он слышит звуки, и звук этого места не похож ни на что, что он слышал прежде. Затем он может видеть. Красный, потом чуть розоватый цвет, и он открывает глаза. Кристофер спокойно осматривается и пытается понять. Ему спокойно. Он старается сесть в белом пространстве, и это ему удастся после второй попытки. Он смотрит сначала на свои руки, потом на ноги, щупает лицо. Он обнажен. Человеку кажется, что так было всегда.

— Смешно, — говорит Саммерс.

— Разве? — удивляется голос, и перед ним появляется тень.

— Я ждал тебя очень давно.

— Зачем?

— Чтобы извиниться, — сообщает тень, и Кристофер узнает его голос.

— Ликс, — почти беззвучно одними губами произносит Саммерс.

— Нет, Крисси. Ликс всего лишь порождение твоих кошмаров, — отвечает тень, принимая четкость. Через секунду, Кристофер понимает, что перед ним сидит обычный человек средних лет, полноватый и рано лысеющий. — Люди называют это место по-разному, — говорит он, — Но ты называешь его «ничто». Как и другие, я полагаю. Здесь нет ничего, что может существовать, и существует то, что не мо-

жет. Здесь нет Провидения, потому что нет тех, кому это надо. Это место где разбиваются вдребезги физические законы, где не работает философия. Это место искали множество охотников за сокровищами и простые служители религиозных сообществ. Это место нигде и везде. Его нельзя запомнить и описать правильно. Ты здесь, но тебя нет. Это просто.

Незнакомец удовлетворенно смотрел на Кристофера.

— Да, — кивает он, — но раз здесь ничего нет, так почему я здесь, почему ты здесь?

— Потому что это твое «ничто», и только тебе решать, что здесь будет. — Незнакомец встает и потирает руки.

— Тебе пора. У нас мало времени, — задумчиво говорит незнакомец и протягивает руку человеку. — Так ты идешь? — Кристофер принимает помощь и встает. Он с любопытством оглядывает себя, на нем появилась одежда.

— Здесь же нет времени, — удивляется он.

— Ты должен запомнить, Крисси. Обещай мне, выбраться отсюда и зажить своей жизнью. Не позволяй ужасу контролировать твою жизнь. Не позволяй ошибкам других владеть твоей жизнью. Там, по другую сторону, тебя ждет женщина, которая любит тебя и нуждается в тебе. Однажды ты женишься на ней, — он смахивает невидимую пылинку, и они оказываются в другом месте. Здесь по-прежнему все белое, но можно различить деревянную дверь, стоящую посреди нигде.

— Смотри, это твой выход — говорит незнакомец.

— Обычная дверь, — говорит Крисси.

— Ты должен идти, сынок. Тебе нельзя здесь остаться. — Кристофер почему-то верит этому человеку и протягивает руку.

— Ты не пойдешь? — спрашивает он. — Нет, мне хорошо здесь. Здесь мой дом, — обводя рукой белое пространство и отвечая на рукопожатие. — Запомни, как только вернешься, должен жить, понял? А не то, как ты вел себя в последнее время. Не совершай моих ошибок. Это неверно. Теперь ты все вспомнил. У тебя есть жизнь, и ты обязан перед ней.

— Я не понимаю, — говорит Кристофер, открывая дверь.

— Ты все решишь потом. Когда будешь готов, — смеется человек, — и передай привет своей матери.

Саммерса затягивает в темное пространство в двери. И тут же привычная реальность принимает очертания. Кристофер вновь видит лицо перед собой:

— Боже, Крисси, — говорит его мать и целует его руку. Чувство вины читается в заплаканных глазах.

— Я помню все, — говорит Саммерс, ощущая пустоту внутри себя.

— Мой дорогой мальчик, прости меня. Я не знала, что твой отец способен на такое, — она зашлась в слезах. — Боже, за что мне это? Твой отец... я всегда запирала дверь, потому что знала,

что у Чарльза слабые нервы. Но в ту ночь... — она попыталась справиться с собой. — Я позвонила Марку и Ричарду. Они уже вылетели сюда.

— Они знали, — говорит Кристофер, чувствуя облегчение. Мать не ответила. — Тот мальчик, Оливер. Я ударил его. Он упал, и больше не вставал. Я думал, что его убил Ликс. Но это сделал я. Ты поняла это, когда я прибежал рассказать тебе, не так ли?

Женщина тихонько плакала, а Кристофер понимал, что его жизнь не будет прежней.

— Ты разрушила мою жизнь, скрыв все это, — безучастно сказал он. Саммерс не знает, зачем сказал это, но был уверен, что говорит правду. В этот момент в палату вошла Ри, все в том же вечернем платье.

— Кристофер! — радостно сказала она, и поспешила обнять своего любимого.

— Я оставлю вас одних, — сказала миссис Саммерс, уходя.

— Отец передает тебе привет, — озлобленно, но все же слабо крикнул Саммерс, уходящей фигуре, надеясь, что больше не увидит ее вновь.

Каждая история имеет конец. Всякая сказка или роман имеет обыкновение тревожить наши сердца концом. Сидя здесь, в тишине я слышу то, чего здесь не должно быть — шум листвы на старых деревьях. Я чувствую запах травы и смолы, чувствую свежую землю под ногами и бегу. Я там, где мне не суждено

быть, но это не значит, что я не могу. Я скован телом и временем, но у меня есть еще силы любоваться тенью лесов, чистотой полей и жизнью, что протекает вокруг. Я не боюсь чего-то земного. Я боюсь утратить способность видеть все это, боюсь, что однажды вместо прекрасных измерений я увижу лишь камень и холод. Мое прошлое, страшное и тяжелое, долгое время не отпускало меня. Меня мучает лишь один вопрос:

Кем я буду без моих кошмаров?

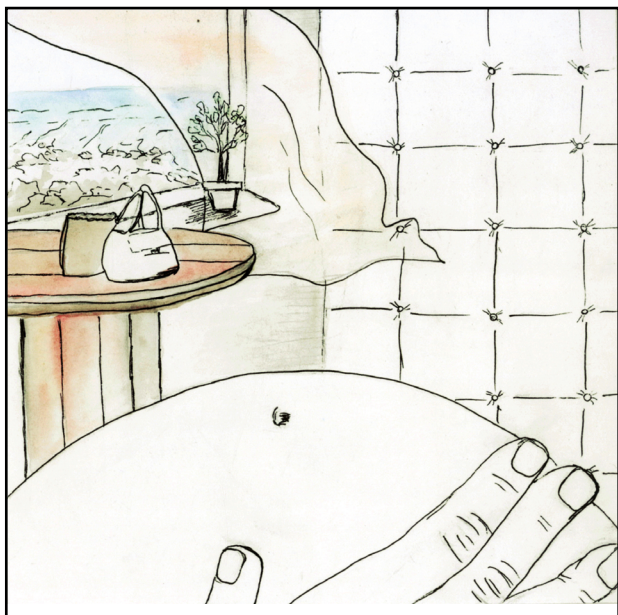
Эпилог

Раннее утро. Безбрежный океан. Волны мерно и успокаивающе омывают берег. Встает солнце. Его розовые блики тихо освещают маленький домик на холме. Тепло. Ленивый свет заглядывает в окна. Этот день один из тех, которые запоминаются на всю жизнь. Это место было в тайне. Никто кроме них не знал о нем. Они сбежали сюда из жестокого мира, чтобы жить в своем измерении, своих мечтах. Спальня в бежевых тонах. В окно беззвучно задувает летний бриз и колышет светлые занавески. На кровати обнаженные тела, лежащие вместе. Мужчина проснулся, и посмотрел на женщину рядом. Он так долго искал покой, чтобы дать своей израненной душе исцелиться. И вот в его жизни появилась она, молодая и любящая, способная унять его боль. До встречи с ней мужчина каждое утро просыпался один в страхе кошмаров, но не сегодня и никогда больше. До сих пор не веря в свое счастье, он осторожно убрал прядь выбившихся волос с ее лица.

— Так жаль, что тебя не было в моем сне, — сонно бормочет проснувшаяся женщина. Мужчина целует ее в лоб, и кладет руку на обнаженный чуть выпуклый живот.

— Как ты сегодня? — спрашивает он.

— Счастлива, — отвечает, женщина, улыбаясь.

— Хорошо. Хочешь завтрак?

— Да. Только не горелый, хорошо? Твои навыки на кухне все еще никуда не годятся.

— Сделаю все возможное, — мужчина встает с кровати и шлепает босыми ногами на кухню. Некоторое время спустя женщина неловко поднимается с кровати и смотрит в окно: океан, чайки в розовом небе, тишина и покой. Она вдыхает морской воздух, а теплый ветер ворошит ее рыжие волосы.

Литературно-художественное издание

Виктория Джонс

Кристофер Саммерс

Редактор *В. Бутенец*

Художественный редактор *Е. Ошкина*

Компьютерная верстка *В. Бутенец*

Формат 70×90/32

Печать офсетная. Бумага офсетная №1.

Издательство «евяяны́й фон»